

АЛЕКСЕЙ КАЛИНИН



ИГРЫ ОГНЯ

Алексей Калинин

Игры Огня

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Калинин А. В.

Игры Огня / А. В. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Двое преступников вместо смертельного приговора выбирают судьбу доноров человеческих органов и погружаются в криосон на двести лет. Спустя обозначенное время они оказываются в "прекрасном далеко", где вынужденно становятся участниками Игр Огня - соревнований со смертельным исходом. Если раньше они управляли персонажами в компьютерных играх, то теперь эта роль принадлежит им, а мирные граждане будущего наблюдают их глазами за смертью новоявленных гладиаторов. Злость и ярость могут помочь выжить ребятам, но за грехи всегда приходится отвечать и прошлое следует за ними. Содержит нецензурную брань.

© Калинин А. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Суд

Голос судебного пристава ударил раскатом грома:

– Всем встать! Суд идет!

Неожиданно и резко. Мужчина недавно поступил на службу и не успел привыкнуть к акустике помещения. Люди в зале вздрогнули и украдкой взглянули на соседей – заметили секундную слабость или нет? С кряхтением, сопением и шорохом отодвигаемых стульев граждане поднимались на ноги. В зале суда пахло пылью, лаком и человеческим потом.

В небольшой клетке сгорбились два молодых человека. Одинаковые светлые свитера, засаленные джинсы... Одинаковая угрюмость во взглядах. Рыжий медленно встал, и усыпанное веснушками лицо болезненно скривилось. Второй, черноволосый крепыш, остался сидеть на вытертой множеством задов скамье, лишь согнул правую руку и ладонью левой похлопал по бицепсу. Верхняя губа дернулась, обнажила оскал подпиленных клыков – знак принадлежности к банде «Северных волков».

Судебный пристав кивнул охраннику. Мужчина с красными прожилками на носу потянулся за «ухватом» – шокером с вылетающими контактами. Закон суров, но он закон, и расплата настигает, если преступаешь через черту и имеешь глупость попасться.

– Толян, чё залупаешься? – прошептал вставший парень.

– Пусть запомнят пойманным, но не сломленным, Игоряша! Ай, блин! – подскочил Анатолий.

Крохотная вилка воткнулась в мякоть бедра. По тонким проводам побежал разряд тока. Слишком маленький, чтобы обезвредить и расслабить, но чересчур большой, чтобы стерпеть. Красномордый охранник равнодушно нажал на кнопку на «ухвате», скрипнули сервомоторчики, и вилочка прыгнула на место. Острия стали красными. Анатолий почувствовал, как волоски на бедре пощекотала теплая струйка. Гребаный хват. Шокеры недаром так прозвали, подобно старинным рогатинам на длинном черенке они впивались в преступника, как в горшок с кашей, и помещали в жаркое жерло печи – в душное нутро полицейского фургона.

Игорь Теплов укоризненно покачал головой, он давно понял, что лишний раз нарываться – наживать ненужные проблемы. Если бы он только знал, что последует дальше... Пока же «Фара», как его называли члены банды, с надеждой смотрел на идущую троицу судей: сухопарую женщину и двух мужчин.

«Что же за непруха? По рожам видно, что им насрать на нас! Неужели всё накрылось?» – пронеслась в голове Фары тревожная мысль.

– Походу, крантик нам нарисовался, – шепнул Боец, будто услышал мысли Фары.

Острые черные глаза успели ощупать идущих, оценили их настроение, и в голове четко пропечатался будущий приговор. Почему-то под этими буквами стоял деревянный стул с торчащими проводами...

– Может, ещё прорвёмся? Жало должен отсыпать судакам.

– Глянь на них, с такими рылами только по этапу посылают. А этот чмырдяй адвокатский даже не смотрит. За что только отстегнули?

Руки Бойца вцепились в белые прутья так, что костяшки слились цветом с арматурой. Саднили ранки от «ухвата», но это мелочи по сравнению с тем, что их могло ожидать. Фарс под названием «суд» уже почти прошел, трое судей брали два дня на совещание и сейчас должны вынести приговор. Какой он будет?

Полсотни глаз взирало на заключенных: кто-то с ненавистью, кто-то с обидой, кто-то с жаждой мести, а кто-то с недоумением, что такие молодые ребята находятся за решеткой. Равнодушных взглядов нет ни у кого... Кроме судей.

Служители Фемиды поднялись на постамент и водрузили сидалища на удобные кресла. Черная кожа скрипнула под весом. Фара невольно сравнил судейские троны с жесткой ска-

мейкой. Их банда держала в подвале кресла покруче, с вибромассажерами, удобными подставками для ног. На такой роскоши можно и Маринку отодрать, и задремать, когда не хотелось тащиться домой. Рыжеватый худой парнишка огорченно вздохнул – не до жиру, быть бы живу.

Троица на постаменте вальяжно переговаривалась. Они словно отгородились красным деревом стола от плебеев и обсуждали участь возмутителей спокойствия. Говорили с ленцой, будто обсуждали гонки черепах. Люди в светло-сером зале шептались, строили догадки и предположения. Словно римляне в амфитеатре спорили – поднимет Цезарь палец или отдаст пленников в услуженье Аиду?

Седой судья стукнул молотком по круглой деревянной бляшке. В зале послышалось пшиканье и легкое ерзание на стульях – люди инстинктивно выпрямлялись и затихали в ожидании. Словно учитель в школе стукнул указкой. Два парня за решеткой устремили взгляды на человека, в чьих руках находилось их будущее. Судья зачем-то поправил безукоризненную мантию, непременный атрибут власти, что остался неизвестно с каких пор и в конце прошлого века закрепился в России. Троица поднялась, седовласый слуга закона прокашлялся и зачитал монотонным голосом:

– Приговор Именем Российской Федерации город Екатеринбург, девятого августа две тысячи двадцать второго года, Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга в составе...

Далее шло перечисление действующих лиц: судей, обвинителя-прокурора, защитника-адвоката, подсудимых, секретаря. Всех тех людей, которые волей или неволей оказались здесь и принимают участие в решении судьбы уголовников.

Анатолий подмигнул девчонке-секретарше, округлил рот и пару раз оттопырил щеку языком. Та вспыхнула и уткнулась в ноутбук. Засмушалась. Черные пряди волос закрыли лицо траурной вуалью, а пальцы шустро запорхали по клавиатуре.

– Её бы к нам в камеру на ночку, а потом и по этапу можно, – шепнул Анатолий Игорю.

– Будет ли этап? – полупростонал Фара.

Седовласый судья остановил перечисление статей и преступлений, хмуро взглянул на парочку в вольере:

– Подсудимые, прошу вас не мешать оглашению приговора.

– Давай, дядя! Шурши быстрее, а то баланду пропустим! – Боец ощерился острыми зубами.

– Кхм, – откашлялся судья и продолжил, – на основании ранее изложенного, руководствуясь статьями...

Фара слушал количество статей и загибал пальцы. На руках не хватило, на ногах тоже – ох и погуляли за короткую жизнь... Колени подгибались от количества высказанных слов. У Бойца подрагивали руки, тоже нервничал, но старался скрыть чувства за напускной бравадой. Кривился в усмешке.

Адвокат склонился к бумагам и делал вид, что предельно занят. Игорь ясно видел, как плешивый мужичок, похожий на затюканного инженера, рисовал на полях чертиков в разных позах Камасутры. Большой извращенец! И этот человек будет их защищать?

– Суд приговорил, – судья торжественно подвел итог. – Признать Бойцова А. В. и Теплова И. С. виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ...

Молодые люди слушали бесконечный монолог судьи, оглядывали зал в поисках сочувствующих глаз и не находили их. Пострадавшие едва скрывали улыбки – справедливость восторжествовала; приставы и охранники безучастно взирали на подсудимых – много таких прошло через решетку; знакомые глядели осуждающе – ведь они же говорили; адвокат посматривал на прокурора – после процесса запланирован поход в бар; двое остальных судей еле скрывали зевоту – осточертела рутина рабочей пятницы.

Только одного взгляда Фара вынести не смог. Он отвернулся от белокурой девушки и уставился на седовласого судью. Лучше на него. Так меньше боли в том месте, где должно быть сердце.

Перечень обвинений не смолкал десять минут. Ребята признались ещё в нескольких случаях, предводитель по кличке Жало попросил «взять на себя пару косяков, а за это на зоне будет покой и уважуха». Этот инвалид и сам не знал, что ребята выполняли не его просьбу. Они хотели остаться в тюрьме. Они догадывались, что на свободе их поджидает костлявая старуха с косой.

Единственно, что они не знали, насколько она близко. Очень близко. Сразу на выходе – присела на ступеньку и неторопливо курит. Смерть облачилась в тело сухопарого мужчины средних лет. Пистолет в наплечной кобуре почти не виден под ветровкой. Смерть ждет решения суда. Наушник передает каждое слово из аудитории.

– И назначить наказание в виде смертной казни! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! – с особым чувством продекламировал седовласый судья. – Можете увести подсудимых.

Фара почувствовал, как решетка кинулась на него и попыталась перевернуть с ног на голову. Дрожащие руки еле удержали тело в вертикальном положении. Колено Бойца сильно ударило о прутья, ноги подкосились.

Двоих ребят приговорили к смертной казни.

Вот и всё! Не пожил... не нажили... не сделали... не увидели...

Зал дружно вздохнул. Кто-то зааплодировал. Фара взглянул в ту сторону – блондинка на инвалидной коляске громко хлопала в ладоши. Она смотрела на него в упор и улыбалась... Игорь опять не смог выдержать взгляд. Рыжий парень понимал эти эмоции, будь он на её месте – сам бы зааплодировал, заулюлюкал, засвистел.

Боец хватал ртом воздух, лицо посинело, как от удушья, потом резко покраснело. Игорь видел его таким только один раз, когда нашелся Серёга Кот. Да и сам он чувствовал себя не лучше – оцепенение не спадает, пол кружится в лихорадочном танце, холодный пот выступает на лбу. Ещё немного и рухнет на пол, заплачет, забьется в истерике.

– Не повезло вам, чуваки, – вполголоса произнес охранник и вставил ключ в замочную скважину.

Никаких эмоций, просто констатация факта, вроде как: «Сегодня хорошая погода». И от этой фразы стало ещё противнее.

– Одну минуту, ваша честь! – громкий голос адвоката перекрыл гвалт зала.

Пол под ногами ребят чуть притушил бешеный танец, желваки натянули кожу на щеках – ещё чуть-чуть и прорвутся. Надежда полыхнула в глазах заключенных так, что затлели кончики уцелевших волос на плешивой голове адвоката.

– Вам давали слово, мы выслушали. Повторюсь – приговор окончательный и обжалованию не подлежит! – пробурчал недовольный судья.

Ему сейчас не до этих отщепенцев: изжога мучает; любовница мозг выносит – требует машину и больше денег; из-за сына-раздолбая придется идти в школу. Куча проблем, а тут ещё эти...

– Разрешите подойти мне и прокурору? – снова подал голос адвокат, по пухлой щеке скатилась капелька пота.

– Я-то причём? – буркнул прокурор, напоминающий циркового медведя на которого напялили синюю униформу.

– Подойдите, даю вам пять минут, – проговорил судья.

Женщина-судья хрустнула суставами пальцев, у неё скривилось лицо – ведь ещё нужно успеть в магазин и приготовить ужин. Судья по правую руку взглянул на подошедших людей усталыми глазами, безразличный ко всему происходящему. Адвокат начал говорить вполго-

лоса, зал притих. Медведеподобный прокурор даже привстал на цыпочки, чтобы лучше слышать толстенького человечка. Начищенные до блеска ботинки подрагивали.

Боец толкнул Фара под бок, но тот и сам вытянул шею. Если бы он мог шевелить ушами, то заставил бы их вращаться не хуже локаторов противовоздушной обороны. Даже хорошенькая секретарша напряженно прислушивалась к тихому говорку адвоката. Женщина-судья склонилась, так же подался и правый судья. Глаза представителей Фемиды удивленно расширились, не осталось и следа от недавней скуки.

Что там? О чем он говорит? Фара только сейчас заметил, что прикусил губу.

– Нет! – грохнул прокурор. – Я на такое не согласен!

Зал вздрогнул от неожиданности, даже у невозмутимого охранника звякнула связка ключей. Ключи сейчас больше атрибут и дань традиции, чем необходимость – замки в большинстве своём открывались от прикосновения чипа на металлическом наконечнике. Но звякают так же звонко. Мало кто взглянул на охранника, всё внимание устремлено к группе людей, которые решают – сколько ещё секунд проживут два молодых человека. Два преступника.

Адвокат продолжал еле слышно говорить.

– Это бесчеловечно, – выдохнула женщина-судья, её тонкие губы задрожали. – Я не думаю, что это выход. Лучше сразу...

Адвокат продолжал бормотать и бормотать, пока седовласый судья не остановил его потоки красноречия.

– Вам нужно узнать у подсудимых о согласии на проект. Если они предпочтут его смертной казни, то это будет их добрая воля.

– Мы согласны! – сорвалось с губ Игоря.

– На что мы согласны, придурок? – шикнул в его сторону Боец.

– Согласны ещё немного пожить. Не, ну в натуре, я согласен! – ответил Фара, а сам мысленно двинул себе в лоб – и правда, нужно было узнать сперва на что согласился.

– Что же, – проговорил судья, – если подсудимые согласны послужить на благо общества...

– Согласны! Мы послужим! – вновь выкрикнул Игорь. Эти слова вырвались против воли.

– Заткнись, мля, дай ему договорить! – прошипел Боец и больно стиснул локоть соратника.

– Если у моих коллег нет нареканий, – двое судей покачали головами, – и нет возражений у прокурора, – крупный мужчина пожал плечами, – тогда решением суда Российской Федерации подсудимым смертный приговор заменяется участием в проекте «П». С учетом тяжести преступлений срок определяется двухсотлетним содержанием.

Зал ахнул. Адвокат радостно улыбнулся – всё-таки смог стащить ребят с электрического стула; у прокурора был такой скучающий вид, что если бы не зрители, то он запросто поковырялся бы в носу; седой судья шархнул молотком по плашке и закрыл папку с бумагами; у женщины-судьи вырвалась слезинка. В зале зашептались. Люди не знали – сочувствовать смертникам или радоваться за подаренный шанс начать новую жизнь.

Никто не видел, как снаружи здания заместитель старухи с косою поднялся со ступенек и затушил окурки. Если гора не идет к Магомету... Мужчина поспешил в другое место.

– Охренеть! – сплюнул Боец и отвесил Фаре затрещину такой силы, что тот ударился о решетку и едва не пролетел головой между прутьями.

– Да я же хотел как лучше! – огрызнулся Игорь Теплов по кличке Фара.

– А получилось как всегда! – прошипел Анатолий Бойцов по кличке Боец. – Вот отхватят у тебя конец и будешь сидя ссать.

– Уведите подсудимых! – скомандовал седовласый судья. – Судебное дело закрыто.

Мордатый охранник повернул ключ до конца, скомандовал молодым людям отвернуться и завести руки назад. Холодные кольца наручников сдавили запястья. Боец прожигал взглядом спину Фары.

– Всем встать! Суд идет! – пристав снова рявкнул так, что присутствующие невольно вздрогнули.

Три человека в мантиях поднялись со своих мест и неторопливо проследовали в боковую дверь. Красная панель скрыла вершителей человеческих судеб, и люди в зале почувствовали небольшое облегчение. Сегодня осудили не их.

Возбужденный гул зала остался позади. Ребят вывели в тесное помещение. Три древних скамьи, пара железных дверей, поцарапанный линолеум, темные панели на стенах – вот и всё убранство комнаты ожидания. Охранник сел на скамью напротив, шокер положил на колени. Вилочкой по направлению к заключенным.

– Ты знаешь что-нибудь об этом проекте? – спросил Игорь у Бойца.

Анатолий тряхнул головой, словно откинул дурные мысли и повернулся к Фаре. В глазах застыла решимость идти до конца, упрямая складка пролегла у рта, а нижняя челюсть немного выдвинулась вперед.

– Слышал, что это типа холодильника. Кладут туда человечка, а потом отрезают кусочки по мере надобности. Богатенькие уроды теряют руки-ноги, а нормальные пацаны должны страдать и отдавать им свои грабли и говноступы. Ладно, расслабься. Может и пронесет! Не ссы – прорвемся, всё же лучше, чем так, – Боец склонил голову набок и высунул язык, пародируя повешенного.

– А через двести лет выпьем всё, что горит и оттрахаем всё, что движется. Загуляем так... – Фара запнулся, подбирая слова. – Словно двести лет не трахались и не бухали!

Охранник смотрел на них так же эмоционально, как может наблюдать видеочкамера в супермаркете. Минуты текли долго и нудно, пока из двери на улицу не показалась голова ещё одного надзирателя и не прозвучала команда выходить.

Молодые ребята вышли и, может в последний раз, взглянули на солнце. Грудь холодила мысль о будущем – оно будет лучше смертной казни или хуже? По небу носились быстрокрылые ласточки, теплый июньский день пах жизнью, радостью и бензиновой гарью. Боец вдохнул вольного воздуха, прежде чем сесть в полицейский фургон. Он знал, что возможно этого больше не удастся сделать никогда.

Немного истории

Вы думаете, что знаете о боли? Да что вы о ней знаете? Кто-то из родных и близких уходил и это больно? Да, но со временем это проходит... Болят суставы и ломит кости? Примите кокаин, и вы забудете о боли. Ах, не употребляете? Тогда намажьтесь чем-нибудь – обезболивающего дерьма навалом. Царапина, рана, инвалидность? Примите таблеточку и забудьте.

Вы ничего не знаете о боли, если не побывали в криогене. Пусть врачи льют мочу в уши, что это безболезненно и ничуть не страшно – они-то сами помирают обыкновенной смертью и не замораживаются в холодильных камерах, чтобы не ждать побудки. Они-то знают, что в криогенной камере человек не спит... Да-да, не нужно делать такие удивленные глаза и тыкать листки с данными – Игорь Теплов знал об этом не понаслышке. Он успел о многом подумать. Да почти обо всем на свете...

Вот это и есть настоящая боль – быть заключенным в одном месте и не иметь возможности выбраться. Многие люди сами себя заключают в кольцо «дом-работа-дом». Прячутся в раковинку, удобную и мягкую. Наплевать – что там происходит снаружи, главное, что в раковине всё хорошо. Люди наслаждаются иллюзией порядка и стабильности...

Жируют, пока не приходят подобные "Северным волкам".

Куда деваются надменные взгляды, типа «я учился, я заработал, я всё сам»? Всем известно, что эти «я сам» на самом-то деле результат долгой и кропотливой работы родителей, которые вкладывают в детей всю душу и надеются, что отпрыски не сдадут их в дом престарелых.

Куда уходит презрительная ухмылка с накаченных ботоксом губ, когда «волки» появляются на пороге? Откуда появляется страх в дорогих линзах, когда платье разрывается на груди? Каждый отвечает за свои поступки. Рано или поздно приходится платить и пусть смилостивится тот, кто давным-давно обосновался на небесах.

Они не Робин Гуды, не благородное отребье. Они – дети своего времени. Плохого или хорошего времени – об этом рассудят потомки. Пусть будущим поколениям власти снова вешают лапшу на уши, что раньше было хуже, а сейчас нормально, но нужно чуть-чуть потерпеть.

«Северные волки» не хотели терпеть!!! Они свободные звери!

И они знали, что последует за такой свободой. Но не знали, что так быстро...

Вы хотите, чтобы Игорь рассказал о себе, о нищем детдоме и строгих воспитателях? Хотите, чтобы начал вызывать сочувствие, мол, «не я такой, а жизнь такая»? Обломайтесь. Ничем таким он не намерен заниматься. Да и не детдомовский он. Обычная семья, среднестатистическая, с двумя детьми и бабушкой на другом конце города. Пока отец не разбился в автокатастрофе, и мать не привела «папашезаменителя».

Среднестатистическая семья развалилась за семь лет. За семь лет, в ходе которых Игорь вставал на защиту матери, а сестренка пряталась под столом и дико орала. Да, получал крепко и ходил с долгосходящими синяками. Терпел и глотал слезы. Среднестатистические слезы среднестатистического ребенка. Надоело это слово. Скажу последний раз – «среднестатистический» и сам черт не заставит больше вставить его в текст.

– Гошенька-а-а, – выла мать, когда под голубым глазом разливался цвет спелой малины. – Не рассказы-ывай никому, скажи, что у-упал с лестницы.

Сколько раз в жизни упадет человек, если он не каскадер? Игорь превысил норму в несколько десятков раз – и это за семь лет! Может, мать и любила отчима, это вечно полупьяное животное, а может, боялась остаться одна... Терпела и прощала... Но спустя семь лет Игорь не выдержал. Нож легко вошел в рыхлое тело, а Игорь в очередной раз «упал с лестницы».

Повезло – избавил мать с сестренкой от тирана. Не повезло – попал в воспитательную колонию.

Жалко? Да плевать Игорь хотел на вашу жалость, ему и без неё хорошо. Лучше кого-нибудь другого пожалейте, более достойного. Котенка слепого или собачку одноногую.

То, что из школы пришла характеристика как на неуравновешенного идиота, сыграло Теплову на руку. Игорь знал, что он вовсе не дебил, а на уроках не успевал из-за того, что дома скандалили и ругались. Да, над его неряшливым видом смеялись одноклассники. Недолго смеялись... пока их зубы не оказывались на заплеванном полу туалета. И даже когда напали вчетвером, Игорь не отступил. Некуда отступать.

Вы знаете, куда засунуть свою жалость. Это хорошая школа жизни, и она пригодилась Игорю в колонии. Где его и заметил Боец.

Есть люди, которые не нравятся с первого взгляда, таким подмывает без раздумий заехать в дыню, обругать последними словами. Вот таким же человеком и предстал Теплов в новом месте обитания. Его невзлюбили с первого шага по давно некрашеным дощатым полам колонии. Он «чужой», он волчонок, он злобный дебил...

После очередного нападения троих воспитанников с целью «вдолбить немного разума», Игорь сплевывал и смывал кровь в туалете. Боль утихала при воспоминании о лежащих без сознания «учителях». Тогда-то и зашел Анатолий Бойцов. Боец. Повезло же родиться с такой

фамилией и получить такое погоняло. А у Игоря что – «Теплый», или же из-за постоянных синяков – «Фара».

– Ты как?

– Ты ссать шел? Вот и валя, не хер соваться не в свое дело.

– Ладно, не залупайся. Я не враг тебе, – протянул руку темноволосый парень.

Игорь сначала не понял, что в руке у парня какая-то тряпка, но потом узнал в этой тряпке полотенце. Личное. Вафельное, но личное. Такое не доверяют другим, во избежание переноса кожных заболеваний. Полотенцем Фара давно уже подтерся один из лежавших на полу, но тот своё получил. Теплов взял полотенце и нехотя пожал протянутую руку.

Заморозка

Молодые люди покачивались в автозаке. Трое охранников угрюмо молчали по другую сторону решетки. Для них это ежедневная работа – сопровождать людей к месту наказания. Хароны земной тверди, перевозчики душ. Лица красные, осоловевшие от жары, всем троим здорово за тридцать. Судя по загорелой, обветренной коже, которая у воротника переходит в белый цвет, все трое заядлые рыбаки. Может, поэтому сейчас молчали, уставившись в никуда? Будто смотрели на солнечных зайчиков, скачущих по водной ряби, и ждали заветного нырка поплавка.

Заключенные тоже не отличались болтливостью. Каждый думал о своём. В железном фургоне жарко, как в финской сауне, пот струйками стекал по спине, выступал на лбу и обжигал шею. Пахло рвотой, запах хлорки раздражал слизистую, бензиновые ароматы довершали ароматы неволи. Игорь то и дело утирался, сосульки слипшихся волос неприятно щекотали кожу. Анатолий откинулся назад и на выбоинах бился затылком о металлическую стенку фургона.

Люминесцентные лампы моргали светом на замызганные скамьи, на второй доске справа нацарапана надпись: «Здесь ехали свободные люди!» Игорь задумчиво водил по буквам пальцем. Что будет дальше? Судьба свиной головы, которая печально смотрит из морозильной камеры и ждет, когда её разделают на куски?

Здесь ехали свободные люди!

– Ай сссс... Ну и вляпались же мы! По самое не хочу, – выругался Боец, когда на крупной яме основательно приложился затылком.

Игорь вздрогнул, вырвался из тягостных дум. Зеленоватые рыбы глаза уставились на сидевшего напарника. Тот смотрел в ответ тяжело и мрачно. Так, бывало, глядел напившийся отчим, перед тем, как Игорь начинал своё «падение с лестницы». Фара поежился от едкого воспоминания, передернул плечами – в душном фургоне повеяло холодком.

– Чего ты очкуешь? Может, всё обойдется?

– С нашей-то прухой? Да только уши на свободу и выползут! – ответил Анатолий и потер рукой зудящий затылок. Больше он не рисковал прислоняться.

Мысли Игоря были заняты другим, они ворочались тяжеленными китовыми тушами на мелководье, словно уже подверглись криогенной обработке. Однако среди огромных мрачных дум мерцала ленточка светлой мысли.

– Зато мы живы.

Трое полицейских подняли головы и прислушались к разговору. Вяло, инфантильно, без интереса. Скорее по выработанной привычке, чем из любопытства. Надзиратели выполняли свою работу, не больше и не меньше. Всего лишь нудная работа, такая же, как у слесаря, который несет из магазина прокладку на финский кран. По заданному маршруту они ехали впервые, но никаких происшествий по дороге не ожидалось. Слишком уж мелкие карасики попались, хоть и злые, как пираньи. Рыба крупнее как всегда осталась плавать на свободе.

– Смотри, уже уши греют, может, поугораем напоследок? – одними губами прошептал Анатолий.

Игорь украдкой бросил взгляд на охранников и подмигнул.

– Эх, а заначка-то медным тазом накрылась. Вот же блин, досада какая, а я почти на квартиру накопил, – пожаловался Боец Игорю так громко, что уши у охранников дернулись и напряглись.

– Да ладно, потом выйдем и проценты снимем. Садимся бомжами, а выйдем богачами, – поддержал Фара.

Нет, не до развлечений как-то. Не задевал развод охранников. Да и ребятам думалось о другом. Охранники покивали головами, ухмыльнулись друг другу. Сразу видно, что калачи тертые и не впервой выслушивать подобные откровения.

– Да ну, злые вы, уйду я от вас, – махнул рукой Боец и отвернулся к стене. Минуту поизучал её и повернулся обратно. – Дайте сигарету, что ли?

Охранник с мясистым носом повернулся к заключенному и, лениво растягивая слова, пробурчал:

– Миндзрав уже запарился предупреждать, что курение вредит вашему здоровью!

Двое других охранников хохотнули. Один из них, с соломенными волосами и набухшей нижней губой, не смог удержаться от демонстрации отсутствия чувства юмора.

– Хосподам нужно, чтобы вы были как можно здоровее, так что поберегите ваши лехкие для какого-нибудь старпера.

– Жлобы, – сплюнул Фара, и вязкая ниточка слюны протянулась от шлепка на полу до пересохших губ.

–Хамье. Может, поучить их напоследок? – снова подал голос охранник с соломенными волосами, глядя, как утирается Игорь.

«Мясистый нос» презрительно хмыкнул и кивнул. Его лицо выражало крайнюю степень апатии к этой несовершенной жизни. Ему бы сейчас на Шабровский пруд, закинуть удочку, послушать комариный писк и далекое печальное кукование, да выловить пару подлещиков на жареху... А приходится по жаре сопровождать недомерков к месту их будущего пребывания. Эх, жисть-жистянка.

– Не нужно сильно мять, вдруг там не принимают «некондицию», – он протянул ключи охраннику с соломенными волосами.

Дань традиции – ключи. Никак не могут отвыкнуть от шаблонов и устоявшихся штампов – если есть дверь, то должен быть ключ. Если есть охранник, то должен быть заключенный. Если заключенный позволяет себе вольности, то он «падает с лестницы».

Здесь ехали свободные люди!

Били вяло, так же как и жили, как работали, поэтому ни Боец, ни Фара особенно не пострадали. Разбитый нос, ссадина на щеке и синяки на ребрах – вот весь результат учебы. Охранники мешали друг другу, размеры помещения не давали пространства для молодецкого замаха. Заключенные только прикрывали головы.

Мужчины вышли обратно и сели на места. Хлопнула дверь. Прозвенела дань традиции. Дальше ехали в полнейшей тишине, желание зубоскалить и поддразнивать пропало начисто. Ребята вновь погрузились в невеселые думы, а Игорь потрогал языком шатающийся зуб.

Дорога продолжала стелиться под колеса фургона неровным полотном, так же покачивало и не хватало воздуха. Дорога долгая, но заключенные мечтали, чтобы она никогда не заканчивалась. Уж лучше так, в душном фургоне, с ударами охранников, зато живые, чем в криогене ждать пока кому-нибудь из богачеев понадобится новая рука. Лучше? На тот момент Игорю казалось, что так и в самом деле лучше. Неизвестность будущего всегда страшит, а тут и будущее представляется самым мрачным...

Фургон взвизгнул тормозными колодками, словно пожаловался на трудную работу. Три надзирателя дождались, пока снаружи откроют дверь, и «мясистый нос» выпрыгнул наружу. Двое остальных, после окрика: «Давай!», скомандовали заключенным выходить по одному. На выходе стальные обручи наручников вновь обхватили запястья, жесткие ребра впились в кожу. Под ноги кинулась пыльная земля.

Анатолий и Игорь оказались перед массивными металлическими воротами. За ними возвышалось серое непримечательное здание, какие тысячами толкутся на предприятиях и заводах. Направо и налево тянулись такие же безликие коробки, не предназначенные для жилья. До половины их скрывал высокий забор, способный без труда выдержать встречу с танком, летящим на полной скорости. По верху белого забора щедрой рукой навиты кружева колючей проволоки.

Тягостное зрелище, ещё более тягостное, чем трехэтажное здание. Мрачные стены, оконбойницы под самой крышей, у металлических ворот застыли двое охранников с новенькими «Калашами». Рожи дубовые, как у Шварценегера из фильма «Терминатор», да и по фигуре мало чем уступали основателю конкурса «Арнольд Классик».

И тишина... Даже птиц не слышно, хоть какой бы полудохлый ворон каркнул... Гробовая тишь, как на заброшенном кладбище зимой.

– Куда же нас занесло? – поинтересовался Игорь.

– В нашу новую квартиру. Чур, я занимаю место у окна, – вяло пошутил Анатолий.

Сдвоенный толчок в спины, скорее удар, а не толчок, заставил ребят шагнуть к воротам. Анатолий обернулся:

– Мразь, ещё раз толкнешь, я...

Договорить он не успел, кулак «мясистого носа» воткнулся ему в губы, словно хотел затолкнуть слова вглубь глотки. Боец скривился от боли и прыгнул на охранника. Широкий лоб въехал в ненавистную рожу, в нос, в презрительно искривленные губы. В стороны веером брызнули капли крови, шлепнулись на листы подорожника и скатились грязными шариками на землю. Толстый надзиратель отшатнулся и непременно рухнул бы на землю мешком с удобрениями, если бы коллеги не поддержали.

Охранники у ворот не шелохнулись, словно их совершенно не интересовала судьба надзирателя. «Живые ли они?» – пронеслась мысль в голове Игоря.

– Шшшшшшш, да я тебя шейшаш, – вместе со словами вылетели осколки прокуренных зубов и алая слюна.

Анатолий набычился, на лбу выступила кровь из ссадины, капля протянулась по переносице. Он смотрел, как обладатель большого носа отстегнул от пояса «ухват» и крутанул регулятор мощности. Красная черточка остановилась на пределе – от получения заряда такой силы были зафиксированы случаи смертельного исхода. Боец скривил разбитые губы – какая разница, где погибать? Либо за забором разделяют, как корову на скотобойне, либо умрет здесь, на улице, на относительно свежем воздухе.

– Остановитесь! – прозвучал в воздухе властный голос.

Надзиратель нехотя опустил шокер. Анатолий обернулся, чтобы встретиться взглядом с пожилым человеком в белом халате. Он ожидал увидеть кого-либо из киношных героев, типа сумасшедшего ученого со стрижкой под Эйнштейна, но никак не седовласого академика из старых советских фильмов про космос. Фигура мужчины не расплылась, как у сидячих работников, которые заменили работу тела на работу мозга. Холодные светло-голубые глаза прирожденного убийцы осмотрели заключенных, словно двух жертвенных баранов, привезенных на Курбан-байрам. Игорь поежился от чувства, что его окатили холодной водой после выхода из жаркой сауны, рот моментально наполнился вязкой слюной. Вот он, их будущий Виктор Франкенштейн.

– Отведите пациентов в зал «Б». Пусть ждут, – мужчина даже не обернулся на стоявших охранников, лишь чуть наклонил голову влево.

Один из «терминаторов» тут же подошел и встал между разъяренным надзирателем и заключенными. Живым щитом отделил прошлое от будущего. На застывшем лице совершенно никаких эмоций, лишь стволом автомата повел по направлению к воротам.

– Вперед! – голос прозвучал глухо, как из дубовой бочки.

Анатолий и Игорь не стали испытывать судьбу на прочность и пошли по указанному маршруту. Второй охранник даже не взглянул на них, когда они проходили через приоткрытые ворота. Сзади раздавалось шипение и матюки надзирателя.

Игорь сложил фигуру из трех пальцев, так любимую на догнивающем, но никак не сгнившем Западе. Вряд ли надзиратель её увидел за спиной идущего охранника, но на душе стало чуть легче.

– Давайте документы, – прозвучал за спиной голос человека в белом халате.

Ребята оказались на огороженной территории. На разогретом асфальте не оказалось привычного для предприятий мусора. Не было ни валяющихся поддонов, ни металлических балок – ничего. Даже опавшие листья стеснялись падать на ровную площадку. На всем протяжении пятидесяти метров серой стены выделялась одна черная дверь, и она выглядела посторонним предметом в этом бетонном массиве.

Чтобы не ожидало ребят за этой дверью, но пока впечатления находились на уровне плин-туса. Даже червячок радости оттого, что живы, тихо свернулся колечком глубоко внутри и выглядывал блестящими глазками из-под огромного нагромождения тревоги. Заключенные шаркали подошвами тяжелых ботинок, старались как можно дольше задержаться на улице и вдохнуть свежего воздуха, как можно дольше не шагать в неизвестность.

Эту заминку увидел охранник и подтолкнул в спину Игоря. Тот запнулся, но смог удержаться на ногах.

– Тебе тоже вмазать? – окрикнул охранника Анатолий.

– Со мной у вас такое не пройдет. Двигайтесь быстрее, – таким бездушным голосом мог говорить тостер, извещающий о прожарке.

Заключенные переглянулись и не решились проверять сказанное. Со скованными руками вряд ли свалят такого быка, а лишние «падения с лестницы» грозили переломами. Они подошли к двери, и та с вальяжностью раскормленного швейцара распахнулась перед троицей. Внутри оказался белоснежный тамбур два на два метра. Очень похоже на грузовой лифт в высотных домах, только нет кнопок, да чернели отверстия решеток сверху и снизу. Приговоренные к заморозке опасливо ступили на пол, охранник шагнул следом, и дверь также нетопливо закрылась.

Три стука сердца. Из верхних и нижних отверстий решеток с шипением разъяренной кобры ударили струи пара. От неожиданности заключенные шарахнулись к стенам, но твердые руки охранника удержали их на месте. Ещё три стука и пар исчез также неожиданно, как и появился. Ладони на шиворотях разжались, молодые люди встали прямо, ощущая дрожь в коленях от выброса адреналина.

Лифт оказался дезинфекционной камерой, Игорю даже почудился легкий запах хлорки. Стенки плавно разошлись, и троица вступила под высокие потолки лаборатории. Иначе это помещение и не назовешь – кругом блестящие столы с нагромождением колб, мензурок и переплетеньями прозрачных шлангов. Возле каждого стола находится человек в белом халате, к стенам крепятся лестницы с железными площадками. На каждой площадке крепкий охранник с автоматом в руках. Дом, который построил проект «П».

У дальней стены рядами громоздились странные параллелепипеды, словно холодильники положили на бок. Возле каждого «холодильника» ютились бочонки серого цвета, по круглому боку шла черная полоса с желтой надписью. Из-за расстояния надпись невозможно прочесть.

– Какой себе выбираешь? – спросил Игорь.

– Я же сказал – у окна! Эх, ещё бы туда телочку горячую, и весь срок, как один миг, – хмыкнул Анатолий.

Неразговорчивый охранник кивнул стоящему у входа напарнику и велел заключенным подождать. Жвачкой потянулись минуты ожидания. Ребята осматривались по сторонам, ведь здесь им предстояло провести ближайшие двести лет. Немалый срок.

Семенящей утиной походкой к ним подбежал юркий мужичок, какие десятками пасутся у метро и сшибают мелочь «на проезд». Однако на плечи мужчины был накинут белый халат, сверкал бейджик с голограммой «Проект П». Блеклые глазки воровато бегали из стороны в сторону, добавляя сходство с теми, у кого «не хватило на метро». Анатолий по привычке хотел послать его на три буквы, но вспомнил, где находится и сдержался. Не хотел проверять реакцию охранника...

– Где Константин Сергеевич? – голосок задребезжал ложечкой в поездном стакане.

– Оформляет документы, сейчас будет! – ответил охранник.

– Это и есть наши доноры? Молодые какие. Это хорошо, – мужичок покачал плешивой головой. – Проводите их к моему столу, пожалуйста.

Охранник резко кивнул, будто ударил лбом воздух. Троица прошла мимо столов с колбами, мензурками и цветными мониторами, на которых хороводились разноцветные спирали. Люди вышли к хромированному верстаку химика, который сопровождал их подпрыгивающей походкой. У Игоря пронеслось в голове, что будь воля этого чудика, то он сейчас же отрезал бы у них по ноге и примерил себе, вместо хромого левого копыта.

Несколько беленых колонн удерживали рифленый потолок, среди мощных балок скользили толстые канаты кабелей. В потолке белели ряды окон из оргстекла, света давали немного, но и не пропускали прямые солнечные лучи. Огромные светильники располагались строго над столами ученых, такие же прожектора стояли на тюремных вышках.

Лохматый человек в синей униформе посмотрел на проходящих ребят блестящими глазами. В побелевших руках он сжимал рукоять швабры, по дрожанию пластмассы было видно, что ещё чуть-чуть и древко сломается. Анатолий нахально сощурился в ответ и сделал губами куриную гузку, словно намекая на поцелуй. Желваки на лице человека заходили сильнее, нос раздувался, как у испанского быка на корриде. Кого-то он напоминал, но вот кого? Другие люди не обращали на заключенных ни малейшего внимания.

На блестящей столешнице, в которую можно смотреться как в зеркало, рассыпаны папки с бумагами – тоже дань традиции по истреблению деревьев. В век компьютерных технологий вся эта гора бумаги могла уместиться на флешке размером с рисовое зернышко. «Бюрократия неистребима и без бумажки ты – букашка», – подумал Игорь.

– Так-так-так, – закудаhtал мужичок. – Вы уже знаете, к чему приговорены?

– Нам сказали, что дадут литр вискаря и пару баб в придачу. Больше ничего не говорили, – оскалился Анатолий.

– А мне ещё абонемент в бубли... бабли... библиотеку обещали, – поддержал напарника Игорь.

Страшно было до жути, оттого и старались скрыть страх за смехом. Вроде, когда смеешься над страхом, он и не такой уж страшный...

– Шутить изволите? Это хорошо, при гипотермии чувство юмора поможет согреться. Освободите их, пожалуйста, – обратился мужчина к охраннику.

– Отказ. Правый заключенный разбил нос надзирателю, – отрезал охранник.

Мужичок в халате хлопнул себя по плешивому лбу и выдвинул один из ящичков стола. Оттуда показался пластмассовый пистолетик, вроде тех, которыми дети играют в войнушку. Игорь инстинктивно сделал шаг назад – вряд ли мужик в белом халате собирается бегать по залу с криками: «Пиф-паф, ты убит!».

– Не нужно бояться, это всего лишь успокаивающее, чтобы вы не навредили в первую очередь себе. Доноров беречь нужно.

Игорь с Анатолием никогда не видели улыбочки подлее, чем та, которая появилась на губах мужичка, а уж повидали они многое за свою недолгую, но бурную жизнь. Человек в белом халате навел на парней пистолетик, прицелился в ноги. С трех метров трудно не попасть в такие мишени, и небольшие дротики вонзились в икроножные мышцы заключенных так быстро, будто доктор в прошлой жизни был завзятым ковбоем и всегда выигрывал дуэли. Игорь охнул, а Анатолий поморщился на укол.

Боли не было, но внутренние страхи ушли, на их место прилетело чувство полной апатии ко всему происходящему. Захотелось сесть и сидеть до тех пор, пока не жизнь не уйдет из тела. Пусть за стенами этого здания воруют, убивают, лгут и любят, здесь же будет маленький островок спокойствия и умиротворения для двух закадычных друзей.

– Вот теперь можете снять наручники, заключенные не опасны, – доктор выдернул использованные дротики и бросил в мусорное ведро.

Игорь проследил взглядом, как прозрачные стерженьки кувыркнулись в воздухе и стукнулись о пластмассовую стенку черного пакета, надетого на мусорную урну. Почему-то в этот миг полет дротиков показался ему важнее, чем дальнейшее будущее. Так спокойно и хорошо ему было лишь после того, как однажды обкурился гашишом.

Наручники звякнули, и молодые люди принялись растирать запястья. Краем глаз Игорь заметил вышедшего из «предбанника» представительного мужчину, который их встретил у ворот. Походка была такой, словно он шел по гостинной родного дома. И вновь Игорь натолкнулся на неприязненный взгляд уборщика. Представительный мужчина на долю секунды задержался возле уборщика, что-то сказал и двинулся дальше.

– Константин Сергеевич, транквилизаторы введены, доноры готовы к заморозке, – суетливо отчитался мужичок, когда представительный мужчина остановился около них.

– Хорошо, Михаил Анатольевич, если бы так ещё с бюрократическими проволочками дело обстояло. А то миллион подписей нужно проставить... Ладно, отведите их в лаборантскую. Анализы, полная дезинфекция, в общем, всё, как обычно, – скомандовал Константин Сергеевич и повернулся к охраннику. – Вы свободны, можете вернуться к обязанностям.

Охранник кивнул, развернулся и пошел к выходу. Опять никаких эмоций. Киборг, мать его.

Суетливый Михаил Анатольевич взял ребят за руки и потянул за собой. Игорь и Анатолий послушно пошли следом. Наверно, так телята идут на убой, наивные и не представляющие, что их ждет впереди. Работающие за столами люди не обратили на них никакого внимания, скользнули взглядами и тут же забыли, поглощенные своей увлекательной работой по заморозке живой плоти.

Недалеко от лежащих «холодильников» расположилась пластиковая коробка без окон, по размерам она напоминала один из тех вагончиков, где ютятся приехавшие на заработки эмигранты. Внутри перемигивались и зудели неизвестные ребятам аппараты и устройства. Мониторы глядели бездушными огромными зрачками, в них перекачивались те же самые разноцветные спирали, которые струились по экранам ученых. «Вроде бы так изображались спирали ДНК в фильмах», – мелькнуло в голове Фары. У дальней стенки стояло белоснежное кресло с мягкими на вид подлокотниками и подставкой для ног. Михаил Анатольевич щелкнул тумблером на столе, из-за подголовника кресла выехал ещё один монитор. Получилась смесь кресла из кабинета стоматолога и электрического стула маньяка-эстета.

– У и фифа сипе! – проямли Анатолий и осекся.

Язык показался таким неповоротливым, словно к нему привязали кирпич. В размерах он не увеличился, но мышцы ослабли настолько, что кончик почти невозможно упереть в небо.

– Я знал, что вам понравится, – улыбнулся мужичок. – Кто из вас первым сядет на наш «трон»?

Ни один из парней не выказал желания приземлиться на «электрический стул». Подобно баранам из старой поговорки они непонимающе смотрели на белую кожу кресла. У Игоря получилось немного преодолеть апатию, и он попытался выйти наружу. Липкие пальцы доктора присосками приклеились к локтю. Игорь вяло дернулся и послушно пошел к креслу. Кожа скрипнула под весом, руки удобно легли на подлокотники. Сквозь черную ткань тюремной рубы Игорь ощутил, насколько холодным было кресло, словно сел в мягкий снежный сугроб.

– Так, хорошо. Теперь ноги ставим сюда. Молодец! Плотнее прислонись к спинке, да-да, вот так, – крутился рядом Михаил Анатольевич.

Игорь вяло наблюдал за суетой. Тот нажал несколько клавиш на клавиатуре, по экрану монитора запрыгала ломаная линия. По коже Игоря огромным табуном пролетела орда мурашек – из-под скрытых отверстий подлокотника и подставки вылетели пластиковые ремешки в два пальца толщиной. Ремешки плотнее притиснули руки и ноги к креслу, вспотевший лоб обхватил мягкий обруч.

Игорь задрожал. Сквозь транквилизатор пробилось то дикое чувство страха, которое испытывает дикий зверь, когда его ловят охотники. Чувство страха и дикой агрессии. Он готов был кидаться на доктора и охранников, как крыса кидается на огромного человека, который загнал её в угол и поднимает топор для последнего удара. Игорь забился в кресле, но ремни держали крепко.

Сквозь вой эмоций Игорь далеким краем подсознания отметил укол. По телу вновь пролилась волна спокойствия, расслабленности, даже неги. Снова воспоминание о гашише. Через пелену в глазах Игорь увидел, как в мусорное ведро отправился очередной дротик транквилизатора.

– Какие хорошие показатели, – хмыкнул доктор, – пока ещё никому не удавалось пробиться через блокаду. Тебе бы бойцом в краповом берете быть, а не убийствами да воровством заниматься.

Игорь хотел ответить, но язык так и остался недвижим. В подушечки пальцев остро кольнуло и тут же по ним разлился холодок обезболивающего. Игорь ойкнул, а ремни скользнули по коже. Он был свободен. Липкие присоски доктора вытащили его из кресла. Трон занял Анатолий. На этот раз обошлось без транквилизатора – Анатолий видел, что с его напарником ничего не случилось. По экрану монитора скользили уже две ломаные линии. Синяя и красная.

– Хорошо, очень хорошо. Вы прекрасный материал для будущего донорства, – потирал руки Михаил Анатольевич. – С тех пор, как заморозили Джеймса Бедфорда, наука продвинулась очень далеко. Не бойтесь, ребята, через двести лет выйдете наружу, не факт, что целиком, но выйдете. Передадите привет от меня прекрасному «далеко»?

– Угу, – смог выдать из себя Анатолий.

Как по ним, то лучше передавать привет великолепному «сейчас», но карты легли иначе. Михаил Анатольевич надавил на клавишу, и из принтера выползла лента бумаги. Затем вторая. Они хотели свернуться кольцами на полу, но доктор ловко подхватил их и не дал коснуться ламината.

– Пойдемте, – коротко бросил доктор и вышел наружу.

Словно послушные зомби за колдуном вуду, ребята двинулись за ним. Игорю попались на глаза подушечки пальцев – небольшие пятнышки обозначили места уколов. На подлокотниках кресла не видно никаких иголок, вообще ничего – вышли, укололи, вернулись на место. Тонкая струйка слюны протянулась из расслабленного рта и образовала мокрое пятнышко на груди. Своеобразная медаль за прошлые заслуги.

– Константин Сергеевич, доноры осмотрены. Данные потрясающие, так бы и забрал себе часть органов.

Вот! Игорь не ошибся в своих предположениях относительно хромающего доктора! Если бы заключенный мог, то злорадно улыбнулся, а так лишь новая струйка слюны скользнула на то же самое место. Пятно на робе расплылось ещё больше и приобрело форму Африки. Представительный мужчина неспешно подошел к ним. Люди в белых халатах всё также не отрывались от своих рабочих столов. Странного уборщика нигде не было видно.

– Хорошо, тогда поместите их в контейнеры С-3578 и С-3893. Через две минуты после отмашки начнем заморозку, – неторопливо падали слова. Так мог цедить мясник на рабочем перекуре в компании других мясников.

Ребята безвольно взирали на то, как два человека раздели их. Будто продавцы в магазине сняли одежду с каучуковых манекенов. В это время железная рука-захват опустилась на верхние «холодильники» и электроталь поставил на пол один за другим два контейнера.

«Вечный эцих с гвоздями!» – мелькнула в голове Игоря фраза из старого кинофильма.

Техники подошли к контейнерам и начали присоединять к контейнерам шланги от спущенных электроталью серых бочек. «АЗОТ ОПАСНО» гласила желтая надпись на черном ободке. Техники проверили аппаратуру и отошли прочь, вполголоса беседуя о вчерашнем футбольном матче. Им тоже было наплевать на замораживаемых. Всем было плевать на замораживаемых.

– Всё функционирует, можем запускать рыбок в аквариумы, – улыбнулся Михаил Анатольевич.

Никто не поддержал его шутку. Константин Сергеевич коротко кивнул, ледяные глаза не отрывались от монитора. По экрану скользили красная и синяя ломаные линии. Обнаженные ребята покрылись гусиной кожей, в лаборатории ощутимо похолодало. Охранники на возвышениях бесстрастно осматривали зал – для них стало уже привычным наблюдать за заморозкой живых организмов. Возможно, так фашистские надзиратели привыкали смотреть на людей в газовых камерах.

– Поместите доноров в контейнеры! – бросил Константин Сергеевич, не отрываясь от монитора.

Михаил Анатольевич взял за плечо Игоря, и тот вновь ощутил, какие у него липкие пальцы. Будто купаешься в пруду и ног касаются скользкие водоросли. Брр! Доктор заметил передергивание Игоря и улыбнулся. Отнес это к страху перед заморозкой. Покивал плешивой головой, мол, любишь кататься – люби и рассчитаться. Расплата всегда найдет героев.

Игорь остановился перед камерой. Блестящие металлические щиты с отверстиями укрывали стенки камеры. Очень похоже на морозильник, куда хорошие хозяйки складывают мясо для дальнейшего хранения. У «Северных волков» в морозилках всегда хранилась дорогая водка. Теперь Игорю предстояло узнать – что же чувствует бутылка, когда её помещают в холод. Только если водка хранилась при -18° по Цельсию, то людям предстояло испытать все -180° . Для лучшего сохранения товарного вида...

Пальцы доктора подталкивали к камере, но Игорь нашел в себе силы оглянуться на Анатолия. Тот смотрел на него безучастным взглядом, но вдруг правый глаз дернулся и сомкнулся. Получилось такое подмигивание а-ля «не ссы, прорвемся». Игорь коротко кивнул – даже двойная доза транквилизатора не смогла с ним справиться.

– Не задерживай, ложись, – бубнил доктор и подталкивал Игоря в контейнер.

Холодный металл обжег кожу, когда Игорь улегся в ледяной гроб. Его руки и ноги вытянули вдоль тела, доктор осмотрел лежащего и прищелкнул языком. Похоже, ему нравилась его работа. Затем Михаил Анатольевич исчез, оставив Игоря смотреть в рифленый потолок лаборатории.

Через пять минут донеслось покашливание и громкий голос Константина Сергеевича:

– Начинаем заморозку! Закройте криогенные камеры!

Игорь безучастно смотрел на потолок, краем глаза зацепил подошедшего человека. Уборщик. Человек в синей униформе смотрел на Игоря жгучим ненавидящим взглядом, а парень пытался вспомнить – где же видел эти знакомые черты. Всего несколько секунд, а после крышка с легким шорохом закрылась и наступила темнота.

Вам тоже хочется узнать – каково это? Как происходит процесс заморозки, куда деваются толчки сердца, в какие дали уплывают мысли? Возьмите и попробуйте сами. Ощутите всю прелесть моментального перехода от состояния «огонь» до состояния «лед».

Ощутите, как холод накидывается на кожу и кровь кидается к внутренним органам, чтобы защитить их от переохлаждения. Это не зависит от вас, так устроен организм, и он так устроен у всех – перед холодом все равны. Тело забьется в конвульсиях, чтобы хоть чуть-чуть согреться, чтобы тряской выбить искру для разжигания огня в крови. Пульс застучит с частотой бешеного барабанщика, вдох и выдох будут чередоваться один за другим. И так до тех пор, пока температура тела не начнет опускаться ниже тридцати пяти градусов...

Вы начнете засыпать... Откажут почки... Мышцы расслабятся и, если вы не успели перед заморозкой сходить в туалет, то после разморозки вас будет сопровождать запах древнего дерьма. Да и сами вы в глазах размораживателей будете всего лишь древним дерьмом. Человеком, который захотел обмануть время.

Курица из морозильника...

Прежде, чем потеряете сознание, вам захочется раздеться. Да, вы уже обнажены, но вам станет так жарко, словно залезли в раскаленную сауну в норковой шубе. Это кровь прильнет к коже и обожжет ледяную корку. Кровяные тельца захотят спасти тело. Безуспешно. Сердцебиение начнет затухать – тяжело станет моторчику гонять ледяные шарики. Дыхание замедлится, внутри начнет скапливаться угарный газ. Когда температура тела упадет до двадцати двух градусов – сердце остановится...

Игорь засыпал. Из молодого тела выливалась жизнь, или это лилась моча? Из отверстий в металлических стенках доносилось шипение, никакого запаха, кроме собственного пота не слышно. Темнота... апатия... уходящая жизнь... Перед глазами замелькали картинки, какие бывают при удушье...

Немного истории

Говорят, что воровать первый раз страшно – Игорь чуть не обделался бетоноблоками, когда сунул руку в открытую сумку женщины, которая стояла перед ним в рейсовом автобусе. Холодный пот чуть ли не цвиркнул тонкими струйками на жирную спину и легкомысленную блузку в цветочек. Женщина была размером с газетный киоск, её и выбрали-то из-за размеров – на прокорм такой туши нужно потратить много шелестящих бумажек.

Кожу царапала молния кожаной сумки, пальцы наталкивались на какие-то бумаги, косметичку, спутанные провода наушников, ключи, брелоки. Наталкивались на что угодно, но не на упругий кошелек из «крокодиловой кожи». Анатолий подталкивал сзади. Игорь отмахивался и чувствовал, как между лопатками прокатилась крупная капля.

Каким-то седьмым чувством тетка заподозрила неладное и оглянулась. Ребята тут же сделали вид, что увлеченно смотрят на картинку из соцсети. С экрана телефона щерилась глубоководная рыба с фонариком на отростке и экскаваторной челюстью. Жуткое зрелище – кошмар аквалангиста. Тетка с явным неудовольствием оглядела небогато одетых молодых людей. Вместо того чтобы по телефонам лазить, лучше бы на завод шли работать – такое выражение лица ребята встречали у многих взрослых людей. У тех, кто никогда тяжелее карандаша в руках не держал.

После побега из колонии ребятам пришлось переехать из Нижнего Тагила в более большой город. Им и стал Екатеринбург. Толчея, машины, люди – грех не затеряться двоим подросткам. Июльские ночи на удивление в этом году теплы и ласковы, вот только очень хоте-

лось кушать. Отжали пару телефонов у двух лошков и один проели, но это разовая акция. Школьники подняли такой ор, что пришлось бежать от подоспевшей помощи в лице поддатого мужика.

Тетка снова подозрительно оглянулась. Её заметили в магазине, вернее красный пухлый кошелек. Проводили до остановки. Опыта воровства нет ни у того, ни у другого, но жрать-то хотелось.

– Ты вытащишь и передашь мне. В случае чего ты чистый, а я сразу же выйду, – шептал Анатолий Игорю, когда они ждали автобуса и следили краем глаза за теткой.

– Давай лучше ты вытащишь, а я выйду, – ответил Игорь.

В этот момент подъехал автобус, и тетка тяжело пошла к дверям. Препираться некогда, ребята порхнули к автобусу. Час пик не разочаровал своей толкотней и огромным скоплением народа. Огромной баржей тетка заплыла внутрь автобуса, а ребята маленькими катерками скользнули следом. Игорь оказался к ней ближе и несмело потянул за молнию сумки. Сумка открылась, осталось дело за малым – вытащить кошелек.

С Игоря пролилось сто потов, пока тетка успокоилась и вновь отвернулась. Глубоководная рыба на экране телефона подмигнула Игорю, и тот решился. Ладонь лодочкой нырнула между крохотными зубчиками молнии. Пальцы наткнулись на гладкие клеточки и сжали добычу. Пять долгих секунд. Прокатилась ещё одна капля пота по позвоночному столбу, зато кошелек перекечевал под рубашку Анатолия.

Игорь выдохнул и наткнулся на колючий взгляд незнакомого парня. Скуластый, похожий на злого хорька с бегающими глазками, он смотрел прямо в лицо Игоря и улыбался. Улыбались только губы, показывая острые мелкие зубки, которые придавали ещё больше сходства с мелким хищником. Он осматривал двоих ребят таким взглядом, словно приценивался к свинине на рынке. Анатолий тоже увидел парня, нахмурился и показал увесистый кулак. Парень оглядел колотушку, задержал на секунду взгляд на царапине, понимающе кивнул и отвернулся к окну.

За пыльным стеклом показалась серая остановка с надписью «Ост. Медгородок». Ребята начали потихоньку протискиваться к выходу. Пассажиры недовольно ворчали, мол, надо было раньше думать, ребята извинялись и пробирались дальше. В тот момент, когда они попали к дверям, в автобус потекла струйка новых пассажиров. Треск рвущейся материи. Шипение сквозь зубы. Матюки на головы непочтительной молодежи и в лица пахнул свежий воздух. Даже щедро сдобренный бензиновыми выхлопами он разительно отличался от автобусного, в котором пахло застарелым потом и различными оттенками духов и одеколona.

Ребята поспешили прочь, унося свою добычу, когда их окликнул веселый голос:

– Эй, щипачи-неумехи, тормознитесь! Базар есть!

Разморозка

Когда проводились первые опыты по крионике, доктора не знали – смогут ожить их пациенты в дальнейшем или так и останутся замороженными кусками мяса. Поэтому в лед шли люди с неизлечимыми болезнями, несчастные страдальцы, которым осталось жить два понедельника. Они уже приговорены к смерти, им всё равно. Так и было: спали в ожидании пробуждения существа с раковыми опухолями размером с теннисный мяч, спали подхватившие СПИД рок-звезды, спали толстосумы, которым даже всё состояние не помогало вылечиться от смертельных заболеваний. Спали и ждали своего часа. Оживут ли люди после разморозки? Этого не знал никто.

Не знали, пока не получилось оживить замороженное животное. Люди со всего мира следили за пробуждением сурка Джона, а этот зверек даже не осознавал своей значимости для огромных двуногих созданий, которые суетились возле него днями напролет. Его заморозили.

И он стал первой размороженной ласточкой. Спустя две недели хомяк ожил и даже смог завести потомство, клетки почти полностью восстановились, соображал не хуже прежнего, единственно – иногда замирал на месте на несколько секунд, но это такие мелочи, по сравнению с тем, что он смог вернуться к жизни, которая была до заморозки. Акции криодепозитариев взлетели на астрономическую высоту, люди поверили в мир будущего!

Никто не знал, кому первому пришла в голову идея использовать преступников-смертников на благо общества. Замораживать и разбирать людей на запчасти. Но была бы идея, а исполнители найдутся – замороженные органы оттаивали и долго ещё служили своим новым хозяевам, пока прежние лежали в ледяных гробах. Своеобразные доноры-Белоснежки...

Темнота... космическая темнота черной дыры... полное отсутствие света...

Стуки и царапание за стенкой... Мозг живет... Всё тело заморожено, но мысли продолжают двигаться... Медленно, как улитка по стволу двухсотлетнего баобаба... Холода нет, тепла нет... ничего нет... лишь изредка стук и царапанье.

Редкие периоды проблесков... вроде бы они есть, а вроде и нет – замороженный мозг не успевает фиксировать. Так летом можно увидеть далекую тучу и тонюсенькую, не толще волоска, молнию и в этот момент задаться вопросом – а была ли молния, или это зрение сыграло шутку?

Игорь находился в анабиозе долгое время. Очень долгое. Для бабочек-однодневок пронеслось семьдесят три тысячи пятьдесят жизней. Двести лет одиночества. Лишь редкие стуки за стенкой составляли компанию.

Кто это? И стучали ли вообще? Может это галлюцинации? А может он сам чья-то галлюцинация?

Голова профессора Доуэля могла шуриться, болтать, шевелить ушами – хоть какое-то развлечение. Игорь лежал в камере без движения. Он даже не знал – есть у него органы или остался один мозг? Кусок бывшего преступника. Секунды сливались в минуты, минуты в дни, дни в года. Два столетия... Он успел пожалеть, что не выбрал смерть.

Всего две секунды боли... и свободен. Две секунды или два столетия... Как говорят одеситы: «Это две большие разницы!»

Однако всё рано или поздно заканчивается и также закончилось пребывание в состоянии заморозки. Сознание приходило постепенно. Сначала пришла боль. Жуткая, рвущая на части, словно в тело вцепились миллионы пассатигей и каждый потянул в свою сторону. Забирались под кожу, вытягивали сухожилия, немилосердно обрывали волокна тугого мяса.

Темнота и жгучая боль – вот два спутника, которые поприветствовали Игоря. Дикий крик снаружи дал понять, что кто-то ещё размораживается. Крик Игоря заполнил холодное пространство камеры. Тело понемногу приобретало чувствительность. В каждую молекулу тела втыкались раскаленные иглы, они отбрасывали ненужные атомы прочь, а те упорно лезли обратно, на привычные места. Крики рвались один за другим, Игорь даже не пытался их сдерживать – так больно не было никогда. А кричал ли он? И кричал ли кто-то другой? Или это снова галлюцинация?

Крышка криогенной камеры отъехала в сторону. Игорь попытался зажмуриться от яркого света – не получилось. Он сумел только подумать об этом, за двести лет мышцы атрофировались и пришли в полную негодность. Если к этому прибавить заледеневшую кровь, то можно понять состояние Игоря.

Он не видел ничего – корка льда покрывала глаза, он не слышал ничего – толстые пробки закрыли ушные проходы. Только слепящее пятно белого света... Оно было нестерпимо ярким, обжигающим. Оно причиняло боль ничуть не меньшую, чем оттаивающее тело и... сознание Игоря провалилось в спасительную темноту. Туда, где оно находилось около двухсот лет. К знакомым и родным галлюцинациям...

Две фигуры в костюмах из серебристой ткани вызвали бы у Игоря ассоциацию со старинными водолазами, если бы он их увидел. Хотя нет – шлемы были в полтора раза меньше и не скручивались толстые шланги для воздуха. «Водолазы» осмотрели лежащих людей, переглянулись.

– Они ещё живы... – глухо раздалось из-под забрала.

– Прекрасно, значит, у нас появились очередные кандидаты на Игры Огня, – последовал ответ второго «водолаза».

Одна из фигур показала на синий круг в центре заброшенной лаборатории. Пришельцы синхронно пробежали пальцами по приборчику, напоминающему наручные часы, и под контейнерами возникли неровные черные пятна. На вид это напоминало разлитый черничный сок.

«Сок» застыл в мгновение ока и фигуры вытянули руки с приборчиками-часами вперед – в такой позе со времен Советского союза ставили памятники дедушке Ленину. Застывший «сок» оторвал от пола тяжелые камеры, и они поплыли пушинками именно туда, куда им указывали пародии на советского вождя.

Черные кляксы донесли контейнеры до круглой платформы. Фигуры в костюмах нажали на приборчики и кляксы растаяли в воздухе, словно их и не было. Серые ящики остались лежать на синем круге.

Одна из фигур осмотрела помещение, в её черном стекле шлема отразились облупленные стены в потеках, искривленные столы с неработающими старинными компьютерами, склянки разбитых колб. В здании царил хаос и запустение, какое бывает на заброшенных складах, откуда в спешке эвакуировали сотрудников. Ключья паутины трепетали на ветру. Свежий поток воздуха врвался в разбитые окна и гонял по грязному полу бумажные обрывки.

Вторая фигура в это время пыталась привести в рабочее состояние платформу разморозки. Увы, старинный компьютер отказывался подавать признаки жизни. Из отверстия процессора выполз недовольный таракан и устался на фигуры в костюмах. Когда же один из «водолазов» потянулся к нему, то насекомое шмыгнуло прочь, соскочило со стола и успешно запуталось в густой сети. Толстый паук поспешил к пиршеству, неожиданно упавшему с неба.

Блестящий костюм вновь вернулся к компьютеру. Пальцы коснулись «часов», раздалось сухое потрескивание. Потрескивание усиливалось, по пыльному экрану монитора запрыгали мелкие искорки. Загудел блок процессора. Паук испуганно отпрянул от бурчащей коробки, и таракану едва не удалось вырваться на свободу, но голод преодолел страх и паук вернулся к своей жертве. Теперь таракану несдобровать!

Фигура у монитора показала раскрытую ладонь. Потом загнула один палец, второй, третий... Когда же ладонь превратилась в кулак, фигура нажала на клавишу запуска.

– Процесс дефростации запущен. Полная разморозка произойдет через двадцать пять минут! – грянул из скрытых динамиков женский голос.

Фигуры присели от звука и оглянулись в поисках источника.

– Техникам занять свои места! Нач... – зеленые лучи вырвались из приборчиков-часов и динамики вспыхнули голубоватым пламенем. На грязный пол упали тяжелые капли расплавленной пластмассы.

Синюю платформу накрыло куполом силового поля. Такое поле считалось устаревшим и его давно нигде не использовали, но в заброшенном здании с выцветшей вывеской «Проект «П» оно ещё функционировало. Из центра платформы фантастическими змеями вырвались шланги и впились в металлические бока.

Фигуры наблюдали сквозь мерцающий экран силового поля, как из контейнеров возник зеленоватый дымок. Ни одного звука. Возможно, что силовое поле не пропускало наружу не только запахи. Зеленый дымок заполнял барьер, скрывал под собой контейнеры. Потом платформы открылось ещё одно отверстие. Дым начал исчезать в нём подобно джинну, который выполнил загаданное желание и должен вернуться обратно в лампу Алладина.

По экрану монитора протянулись две ровные полоски – две параллельные линии, которые по аксиоме никогда не пересекаются. Одна синяя, другая красная. Они хранили параллельность до тех пор, пока последние клочки газа не ушли в отверстие. В силовом куполе засверкали молнии, и фигуры инстинктивно отпрянули от платформы. Молнии облизывали стенки контейнеров, забирались внутрь и прохаживались по лежащим телам. Сцена напоминала древнейшую картину «Франкенштейн», только в фильме было всё более громоздко и пугающе. Линии на экране монитора сломались и пошли рисовать скалы и ущелья. То вверх, то вниз. То вверх, то вниз.

В край контейнера вцепилась красная распухшая рука...

Молнии прекратили дикий танец, и синеватый силовой купол растаял в воздухе. Два «водолаза» выставили приборчики по направлению к контейнерам – неизвестно, какое состояние ума окажется у оживших людей. Раздалось тихое поскуливание и шорохи...

Из дальнего контейнера показалось отекавшее лицо молодого черноволосого человека. Он оглядел безумными глазами заброшенное помещение, взгляд остановился на двух фигурах. Губы человека шевельнулись. При попытке перехватиться, он упал обратно на дно контейнера. Гул ударил под ржавые своды потолка, пробежался по облезшим стенам, перескочил на склянки. Второй контейнер отозвался царапаньем, над краем поднялась и пропала рыжая всклокоченная шевелюра. Человеку тоже не удалось выбраться наружу...

Два «водолаза» приблизились к платформе с размороженными людьми. Они скользили по воздуху в полуметре над полом на круглых синих дисках. Казалось, что гравитация не волнует этих существ. Они зависли рядом с металлическими параллелепипедами. Черные стекла шлемов заглянули внутрь.

В контейнерах шевелились два искалеченных человека: у черноволосого не хватало руки и обеих ног, у рыжеволосого отсутствовала нижняя челюсть, правая нога по колено отхвачена безжалостными хирургами, культы рук елозили по гладким стенкам. Подобно черепахам, которых перевернули на спину, люди пытались выбраться из своих гробов. Они смотрели на странных посетителей в блестящих костюмах и пытались что-то сказать.

Фигуры переглянулись и та, что поменьше ростом, коротко кивнула. Из приборчиков вырвались зеленые лучи, коснулись лба людей, и инвалиды затихли. Они лежали как две размороженные курицы, которых умелый повар разделявал на куски. Синева кожи придавала им большее сходство с полуфабрикатом. Лишь грудные клетки вздымались в такт дыханию.

«Черничный сок» вновь разлился под контейнерами и понес ящики к выходу. Рядом парила одна из фигур. Выход уже не казался таким белым и стерильным, как при вхождении в него двух молодых и полных сил заключенных. Он потемнел и оплавился, будто принял на себя взрывную волну ядерного удара.

Вторая фигура проследовала за караваном до выхода и остановилась. Перчатка вытащила из скрытого отделения скафандра небольшую черную коробочку, напоминающую детский игральный кубик с буквами, и нажала единственную красную кнопку. Затем коробочка полетела внутрь помещения, а фигура в блестящем скафандре поспешила вон.

Огромный комплекс, весь в дырах и трещинах, с осевшим правым углом, просто перестал существовать. Только что он возвышался подобно прыщу на носу юнца, и вот в одно мгновение пропал. Никаких истаиваний, никакого съезживания, никакого взрыва – был и пропал. Лишь ровная яма десяти метров в глубину напоминала о его присутствии.

Кругом шелестел густой лес, птицы перекликались между собой и перепрыгивали с места на место, озирая непонятную дыру в земле. Ничего не выдавало того, что здесь недавно гнезвился комплекс с названием «Проект П». Кругом девственная чистота нетронутого леса, лишь в воздухе покачивается темно-зеленая площадка, напоминающая увеличенный в десятки раз альбомный лист бумаги. На неё-то и встали контейнера со спящими калекками. Рядом опустился первый «водолаз» и повернулся назад. К яме.

Второй скафандр высматривал хотя бы один предмет, созданный человеком. Не обнаружив ничего похожего, фигура в скафандре вытащила ещё один кубик, на сей раз голубой, и метнула его на дно резервуара. Затем фигура поплыла по воздуху по направлению к платформе. Она не одну сотню раз видела, как ровные ямы наполняются чистой водой, как со дна поднимаются зеленые водоросли, как между скользких нитей начинают скользить блестящие бока зеркальных карпов. По бокам ямы выстрелили в небо гладкие стебли камышей. За несколько секунд на месте недавнего комплекса образовалось озерцо правильной прямоугольной формы. На ровную гладь воды опустился желто-зеленый лист березы.

Очередное адское наследие прошлого ликвидировано, можно возвращаться домой. Безмолвным призраком фигура подплыла к платформе и остановилась рядом с первой. Кивок шлема и платформа поплыла вперед и вверх.

Контейнеры прижались боками друг к другу, инвалиды в них спали также беспробудно, как двести лет до этого. Платформа скользила по воздуху, минуя кусты, обходила деревья, пока не поднялась выше крон. Фигуры на платформе напоминали сказочных владельцев коврасамолета, а контейнеры походили на сундуки с богатством. Всё так и было, если бы сказку рассказывал робот по имени Шахерзада...

Путь платформы шел над заросшим лесом, в тени которого безбоязненно прыгали зайцы, шуршали листвой ежи, двигали черными носами пугливые лисы. Птицы провожали взглядами странный объект и возвращались к своим делам. Упитанная мышь юркнула между коряг огромной ели, когда платформа на миг закрыла луч солнца. На заросшей валежине грелся толстый уж, он поднял треугольную голову и проводил немигающим взглядом темный прямоугольник.

Ничего, абсолютно ничего не напоминало о присутствии здесь людей. То, что было построено около двух веков назад полностью скрылось под зелеными насаждениями. Ни грамма асфальта, ни крупинки бетона – девственная природа. И над этой темно-зеленой чистотой летела темно-зеленая площадка.

Бескрайнее синее небо взирало на зеленую поверхность. Солнце пригревало по-летнему жарко, и вскоре одна из фигур сняла с головы шлем. Показалось скуластое девичье лицо. Ветер подлетел и запутался в густых каштановых волосах. Девушка зажмурилась от удовольствия, конопушки собрались в кучку у задорно приподнятого носа. Ярко-зеленые глаза осматривали проплывающие внизу деревья. Она глубоко вдохнула и с удовольствием выдохнула.

Вторая фигура показала на шлем, на что девушка лишь склонила голову. Земляничного цвета губы раздвинулись и на солнце сверкнули белые зубы.

– Перестань, Дрианна! До дома ещё далеко, а когда ещё представится шанс вдохнуть старинных бактерий? – голос девушки напоминал мелодичное журчание ручья.

– Сиатра, надень обратно. Если заболеешь, то вряд ли будешь допущена до теста. Известно, что принесли нам предки, – глухо проворчала вторая фигура.

Девушка немного подумала и кивнула. Каштановые волосы качнулись и скрылись под блестящим шлемом. Путешественники летели не меньше двадцати минут, прежде, чем на горизонте показались белые столбы. Платформа неуклонно приближалась к вырастающим гигантам. Вскоре можно было разглядеть, что это вовсе не столбы, а высокие дома. Стеклопанные окна темнели проемами на фоне белых стен.

Платформа начала снижаться, деревья редели по мере приближения к огромным небо-скребам...

Игорь открыл глаза и уставился в ослепительно белый потолок. Белее этого оттенка он видел лишь первый снег в деревне, и то, это было так давно, так давно... Судя по ощущениям, он лежал на мягкой кровати, тело укрыто пушистым пледом. Игорь попытался осмотреться, но из этого ничего не вышло, веки могли опускаться и подниматься, глаза же отказывались вращаться. Белый потолок и на краю периферийного зрения чернела непонятная блямба.

Веки смежились и снова открылись. Руки и ноги тоже объявили забастовку и напрочь отказались служить хозяину. Игорь попробовал крикнуть, но лишь слабый сип прозвучал вместо мощного окрика. Однако и этого сипа хватило для привлечения внимания.

Раздались шаги, и к его кровати подошел ангел. Другого названия этому прекрасному существу он не смог придумать. Казалось, что девушка воплотила в себе все лучшие черты и черточки красавиц с «Плейбоевского» разворота. Когда в улыбке показались зубки, то воспоминание о первом снеге кануло в небытие. По сравнению с белизной улыбки снежный покрыв был всего лишь застарелой овсяной кашей.

– Очнулся? Вот и хорошо. Сейчас разомнем мышцы, а после снова можешь поспать, – бархатный грудной голос обволакивал и заставлял сердце прыгать в грудной клетке осатаневшим кроликом.

Бежевая маечка едва прикрывала два больших упругих шара, светло-синие лосины обволакивали стройные ноги. От её вида Игорь напрочь забыл, как нужно моргать. Тело ангела было совершенным, видно, что девушка не отлынивает от походов в спортзал. Обычно около таких богинь ошиваются «кошельки на ножках», толстосумы, которые думают, что могут всё купить и продать.

Девушка подняла правую руку Игоря и начала её пощипывать, крутить кисть в разные стороны, разминать пальцы. Игорь смотрел на девушку не отрываясь, пытался запомнить ямочки на щеках, яркие каштановые волосы, зеленые глаза. Ему казалось, что это лишь сновидение из разряда тех, которые он видел последние двести лет. Вот сейчас Игорь моргнет, и девушка исчезнет, растворится как дымка в безумной чехарде фантазий и галлюцинаций.

Игорь не сразу обратил внимание на то, как преобразилась его рука – вместо тонкой веточки, «музыкальной ручонки» как называл её отчим, сейчас разминалась мощная ручища культуриста. Мускулы перекатывались так, словно под кожу запустили сотню скоростных черепашек, и те бегали и показывали очертания круглых панцирей то тут, то там. Змейками струились вены, они по толщине не уступали карандашу, здоровенное запястье не обхватить и двумя ладонями. И эту мужественную руку разминала самая красивая девушка на свете. Сон, глюк, стандартное видение – иначе и быть не может, ещё немного и он проснется.

Однако девушка никуда не исчезала, старательно мяла, щипала и растирала мускулистую руку. Игорь успел несколько раз пожалеть, что не ощущает прикосновений и не может двигать пальцами – они были так близки к соблазнительной груди. Ох и сжал бы, ощутил шелковистость кожи, но, хренушки – оставалось только наблюдать за действиями девушки.

– Ох, как же нам повезло с вами. Ага, особенно с тобой. У тебя такие волевые характеристики, что можно спокойно раскидывать на троих игроков, и это я ещё не говорю о шкале выживания – такой высокий показатель ещё ни разу не встречался.

О чем она говорит? Ни хрена не понял. Рыжеволосая красавица старательно массировала руки, потом перенесла поглаживания и пощипывания на тело. Игорь ощутил, как у него сжалось внутри, когда девушка перешла к ногам, но никаких ощущений так и не возникло.

– Гляделками дыру во мне прожжешь, – улыбнулась девушка. – Ничего, сейчас зарядим тебе питательную смесь, а я пока займусь твоим другом. Через пару дней сможете ходить, и не только под себя.

Каким другом? Игорь вновь попытался покрутить головой. Результат остался прежним – мышцы его не слушались. Всё тот же белый потолок и почти пропавшая с поля зрения рыжевласка. Девушка вернулась обратно. В её пальцах краснел кубик, похожий на игральную кость, для полного совпадения не хватало углублений на гранях.

Кубик лег на мускулистую руку и начал терять форму, распадаться, как сахар-рафинад в стакане горячего чая. Кубик уменьшался, пока полностью не пропал из вида, только квадратик пыли остался на руке. Девушка сдула с руки пыль, и Игорь в очередной раз восхитился

плавным изгибом пухлых губ. О таких губах говорят, что они созданы для поцелуев... ну, или для чего-нибудь ещё.

То, что сейчас происходило, вряд ли было сном. Так долго он не наблюдал одну и ту же картину – криогенные галлюцинации менялись одна на другую со скоростью пролетающего метеорита. А сейчас... Неужели их освободили? Кого их? Кто-то был ещё...

Снова усилие на издание звука и снова крах. Навалилась сонливость, девушка почти пропала из виду. Она склонилась над тем самым черным пятном, которое Игорь заметил периферийным зрением. Неужели там лежал... Анатолий? Имя всплыло черными буквами на белом фоне потолка. Игорь моргнул, и буквы исчезли, словно вспугнул их неосторожным движением. Вот бы повернуть голову. С этой мыслью он погрузился в темноту.

Он не видел, как в небольшую палату без окон, где находились всего две кровати и тумбочка, вошла ещё одна девушка. В отличие от первой, пышущей здоровьем, блондинка выглядела субтильной и тщедушной. Огромные карие глаза взглянули на спящего Игоря, перешли к лежащему Анатолию.

– Он так и не приходил в себя? – бархатно прошелестел голос.

– Нет, так и валяется без сознания. Вон рыжик уже всю глазами вращает, а этот как пень лежит, даже не моргнет, – ответила рыжеволосая девушка, растирающая руку Анатолия.

– Как прижились новые конечности?

– Не отличишь от настоящих, Дрианна. Очнутся, так от радости плясать будут, – рыжеволосая взяла другую руку.

– Долго не напляшутся, Сиатра. Приближаются Игры Огня, так что они должны быть готовы. И на этот раз мы должны сделать их наиболее выносливыми и сильными. Говорят, что меркурианцы подготовили сюрприз.

– Будут готовы. Подправим характеристики, нарастим силу, скорость и выносливость – будут как супергерои из старинных кинофильмов. Эх, жаль таких самцов упускать, – улыбнулась рыжеволосая.

Блондинка невесомо подплыла к Игорю, взглянула на скуластое лицо. Конопушки так густо усеяли нос и щеки, что напоминали пигментные пятна беременных, рыжие волоски слиплись на влажной коже лба. Крылья утиного носа слегка подрагивали, со стороны он напоминал спящую гончую, которой снится охота – вот-вот задергает лапами и залает. Дрианна оглядела тонкие шрамы на руках, они алыми ниточками вздувались на белой коже.

– Конечности прижились хорошо, ещё чуточку поправить и можно отпускать на тренировочную базу, – проворковала блондинка, ведя полупрозрачным пальчиком по ниточке шрама на левой руке Игоря.

– Гесдарь обделаётся от радости, – хмыкнула шатенка, – давно ему не попадался такой материал. Недаром же он приказал переделать ребят по старинным снимкам. И ведь сколько раз мы пролетали над этим комплексом и ничего не видели. Лихо же предки замаскировали свой холодильник.

– Если бы птицы не испортили солнечные батареи, то защитное поле так и не выдало его местоположение. Интересно, а почему этих двоих бросили? Были же и другие контейнеры, но все оказались пусты. А эти два человека лежали, да ещё и такие изуродованные. Похоже, что мы натолкнулись на одно из пресловутых хранилищ человеческих запчастей. Вот же варвары, – брезгливо произнесла блондинка.

Шатенка положила руку Игоря и перешла к ногам. Из-под покрывала выглянуло мужское достоинство внушительных размеров. Сиатра поспешила одернуть ткань, но темные брови Дрианны нахмурились. Сиатра шмыгнула носом.

– Не ругайся, я не могла удержаться. Его-то причандалы откромсали, а в биологической лаборатории Миратен как раз вырастил этот образец. Засранец, специально это сделал, чтобы подразнить

меня. Я облизывалась, облизывалась и не заметила, как приделала к черноволосику. Извини за маленькую слабость, не могла удержаться, – повинулась Сиатра.

– Скажи, почему я никак не могу истребить в тебе гозорские пороки? Ты же почти перешла в новую категорию, столько сил на тебя потратили, а всё равно иногда срываешься. Нужно сдерживать свои желания, – наставительно проговорила блондинка.

Шатенка горестно вздохнула, словно сожалея о своем проступке, но хитрый блеск из-под полуопущенных ресниц выдал всё её напускное раскаяние. Блондинка укоризненно покачала головой.

– Ну, Дрианна, пожалуйста, прости мне эту шалость. Вряд ли когда увидимся с этим бойцом, а не попробовать этот аппарат я не могла.

Блондинка лишь махнула рукой, мол, делай, как знаешь. Шатенка улыбнулась и перешла к массажу ног Анатолия. Вместо культей на поверхности кровати находились мускулистые ноги, такие могут и многокилометровый кросс выдержать и одним ударом выбить дух из врага.

Дрианна отошла к стене и прислонила палец к приборчику на запястье. Из «часов» вырвался зеленоватый луч и нарисовал перед ней квадрат с диаграммами, формулами и таблицами. Девушка быстро осмотрела показатели и протянула ладошку к крайнему разлинованному квадрату. Несколько движений пальцами, будто щелкала по лбу провинившуюся Сиатру, и квадрат увеличился в размерах. Посмотрев на мерцающие цифры, она изменила три показателя в крайней колонке, и кровать Игоря немного выгнулась посередине. Ещё две цифры и подушка слегка надулась. Затем она придала более удобную форму кровати Анатолию. Так заботливая мама подтыкает одеяло уснувшим детям, но вряд ли при этом у мамы будут холодные бесстрастные глаза.

Шатенка встала рядом с блондинкой. Сиатра тоже подняла руку и прислонила палец к «наручным часам». Ещё один прямоугольник возник перед девушками.

На зеленом экране вспыхнули и заплесали в воздухе буквы.

Физические составляющие:

Выносливость – 0

Ловкость – 0

Скорость – 0

Гибкость – 0

Сила – 0

Рядом с первой фразой возникло число **100** и слова: «**Воспользуйтесь с умом**»

– Модифицированные части тела прижились идеально. Однако прежние тела вряд ли смогут выдержать нагрузки, придется их укреплять. Займись черноволосым, но не увлекайся с бионодами, я знаю, как ты падка на мускулистых парней. Опять обвешаешь его пластами ненужного мяса, а он после первой игры не вернется и что тогда? Все труды насмарку? Постарайся в этот раз держаться «золотой середины», или копируй мои результаты, – проговорила Дрианна.

Сиатра горестно вздохнула, но кивнула. Она знала, что лучше Дрианны никто не подготавливает воинов для Игр Огня. Уже не первый гозор смог пройти предстоящие этапы и дойти до финала, бойцы же Сиатры редко когда доживали до третьего раунда. На Играх Огня уходили прочь сомнения в правильности выбора, реакции обострялись до невозможности, мозги испытуемых в скорости вычисления могли соревноваться с самыми мощными процессорами. И лишнее движение, или недостаточная быстрота могли подвести в самый неожиданный момент.

Игры Огня – единственное время в году, когда человеческое племя могло позволить скинуть с себя оковы морали, дисциплины и самоограничений. Своего рода отдушина для дальнейшей спокойной жизни, выплеск животных эмоций, которые скрывались за вежливыми улыбками. Недаром же предки так любили спортивные мероприятия, где они избавлялись от накопленной злости и заряжались энергией от тысяч таких же кричащих и топающих существ.

Под белыми кроватями возникли черные пятна. Из лужиц к кровати протянулись длинные тонкие щупальца. Наткнувшись на одну из ножек, щупальца подтянули жидкую субстанцию к кровати и быстро скользнули к лежащим телам.

– Самое главное – они должны быть быстры и выносливы, – прошептала Дрианна, и пальчики пробежались по «наручным часам».

– Да поняла я, не надо десять раз повторять одно и то же, – шепнула в ответ Сиатра. Её пальцы тоже заскользили по приборчику, от усердия она даже высунула кончик языка.

Черные лужицы выбросили тонкие щупальца, те вонзились в тела бывших узников. Ни крови, ни разрывов плоти. Казалось, что щупальца всего лишь присосались к телам, подобно гигантским пиявкам, если бы не исчезающие на глазах черные лужи. За пятнадцать секунд лужи исчезли, а под кожей лежащих ребят забурлила кипучая деятельность. Если в воздушный шар залить воду и под давлением подавать воздух, то вид дрожащей и бурлящей резины очень напомнил бы ту картину, что сейчас предстала пред глазами двух девушек.

Дрианна и Сиатра начали перемещать цифры и менять показатели.

Выносливость – 19

Ловкость – 20

Скорость – 21

Интеллект – 19

Сила – 21

Слышалось негромкое постукивание, когда бионоды укрепляли и расширяли кости. Когда же дело коснулось мышц, то возникло ощущение, что ребят надувают изнутри. Грудные клетки распирало, пласты грудных мускулов подтянулись над резко очерченными кубиками пресса.

Возникли новые квадраты с характеристиками:

Структура здоровья:

Зрение – 1^D

Слух – 23 дБ

Вкус – 52 %

Обоняние – 72 %

Осязание – 69 %

Вестибулярный аппарат – 45 %

– Смотри, Сиатра, у них такие великолепные внутренние составляющие духовной силы, – ахнула Дрианна. – Это может стать решающим фактором на Играх.

– Ага, посмотри на моего, – кивнула Сиатра на свой экран.

Внутренняя составляющая духовной силы:

Жизненная энергия – 57 %

Сила воли – 60 %

Психическая энергия – 48 %

Самоконтроль – 74 %

Молодых людей на кроватях корежило, ломало, взрывало изнутри. Они приобретали вид двух киноактеров, которых их современники признали бы с первого взгляда. Сиатра с Дрианной слегка удивились такой просьбе Великого Грига, но перечить не посмели.

– У них ещё не хватало почек, у моего отсутствовала селезенка, пришлось тоже наращивать, – прокомментировала Сиатра, не отрывая глаз от растущего тела Анатолия.

Блондинка кивнула и отняла пальцы от «наручных часов». Черная масса осталась в теле Игоря, так же поступили и с его другом. Сейчас на кроватях лежали два человека, которые спокойно могли позировать древнегреческим скульпторам.

– Хорошо, рецепторы в норме, регуляция до нужного уровня достигнута. Адаптация произойдет при пробуждении. Пробуждение через четыре, три, два, один, – отсчитала Дрианна и наткнулась на взгляд внимательных черных глаз.

Запись 3

Немного истории

Каково это – ночевать на улице? Если летом, то ещё ничего – без дождя и под звездным небом, но вот зимой, когда трещат морозы, когда холод забирается даже туда, где обычно всегда тепло и влажно... Осенняя слякоть забивает легкие. Слюна тянется длинной струйкой, не желая покидать теплое место. Весной тоже дело обстоит не лучшим образом. День на день не приходится и порой, после заморозков ночи, попадаешь под ледяной утренний дождь.

Можно переночевать в теплотрассах или пахнущих мочой подъездах. Однако трудно найти незанятое местечко, а из подъездов выгоняют излишне бдительные жильцы, которым не нравится, как пахнет от временного постояльца. Когда жильцы вызывают полицию, то они не думают, что полицейским лень везти куда-либо «ароматного» бездомного. Они выкидывают его на соседней улице, и человек снова ищет себе пристанище. Жильцы уже не считают таких отбросов за людей, будто забыли пословицу «От сумы и тюрьмы не зарекайся».

Жалости не нужно, но вдруг протянутая рука поможет человеку обрести веру в себя и свои силы? Да, есть халявщики, которым на всё накласть, но чем они отличаются от ваших коллег по работе? Количеством монет в кармане и немывтым телом?

Неприятно ночевать на улице. Каждая животина ищет укрытие от ветра и дождя, и человек не исключение. Тот, кто хотя бы раз оказался в положении бомжа не по своей воле, может ощутить радость от постоянного пристанища, от того места, куда можно вернуться, где ждут. У ребят не было такого места, потому они и пошли за молодым парнем, который окликнул их на остановке.

– Вот тут мы и тусуемся, – Жало обвел рукой подвальное помещение, где нашли последний приют несколько старых школьных парт, полуободранный диван с торчащими пружинами, пошарпанные стулья.

В потолок вбито несколько крюков, на одном висит обмотанная скотчем боксерская груша. Довершают картину самодельные гантели, скамья для жима лежа и штанга на двух стойках. Плакаты накачанных стероидами качков и обнаженных сисястых красоток заменяют обои. Тусклые лампочки под потолком едва-едва рассеивают свет.

– Прикольнo, че сказать, – хмыкнул Боец, оглядываясь по сторонам.

Три парня повернулись от стола, за которым резались в карты, и уставились на пришедших. Игорь поежился от взглядов, они рентгеном прошлись по пришедшим, за долю секунды успели взвесить, оценить и сформировать своё мнение.

– Здоров, Жало. Чё это за туловища? – прохрипел короткостриженный молодой человек. Таких крепышей называют «быками»: нижняя челюсть похожа на тупой конец утюга, сплюснутый лоб, отблеск интеллекта стыдливо прячется в маленьких глазках.

– Знакомьтесь, новые члены нашего... сообщества, – Жало улыбнулся на последнем слове. – Боец и Фара. Щипанули тетку в автобусе, чуть не обделались со страху, от пердежа глаза слезились.

– Ничего мы не бздели, – вставил слово обидевшийся Игорь. – Жарко было, вот и вспотели.

Анатолий только усмехнулся на подначку, он видел, что приведший их парень был старшим среди ребят. Щуплый белобрысый человек поднялся с места и безмолвно пошел к дивану, за которым притаилась грязная походная плита. На раскаленную спираль залез желтый чайник

с отбитой эмалью и синеватым цветочком на боку. Жало сел на место белобрысого и протянул принесенный пакет крепышу.

– Ладно-ладно, не бздели, это я для прикола базарю, – сказал вожак и кивнул на крупного парня. – Носорог, наша боевая машина, фанат качкобоксинга, головой может выбить стекло в поезде метро.

– Да это случайно получилось, – прохрипел крепыш и постарался сплющить пальцы ребят в своей лапище.

– Депутатам расскажешь, – хмыкнул Жало и показал на второго человека. – Это Кот, наш водитель, любую машину может завести с полпинка.

Анатолий с Игорем пожали руку невысокому парню, таких ещё называют «ботаниками»: очки в поллица, взъерошенные волосы и затравленный взгляд. Для полного совпадения с идеалом не хватало галстука-бабочки и скрипичного футляра. Вот только пальцы с вьёвшимся солидолом резко контрастировали с остальным обликом. «Ботаник» коротко кивнул.

– А погоняло того Глист, – хохотнул крепыш, указывая на белобрысого парня, что разливал кипяток по пивным кружкам. Из кружек выглядывали ярлычки «Майского чая», янтарные струйки устремились вверх от прозрачных пакетиков.

– Не Глист, а Змей, – поправил его шуплый юноша. – Форточник я, могу пролезть в любую дырку.

– Я и говорю – раз в любую дырку сможешь, значит, погоняло должно быть Глист, – оскалился ещё раз крепыш, но белобрысый только махнул рукой.

Игорь посмотрел на Анатолия. Похоже, что компашка подобралась ещё та. Носорог достал из пакета буханку хлеба, батон колбасы, майонез, зелень, помидоры. Щелкнул складной нож и через минуту на столе появились крупно нарезанные бутерброды.

– Ну а я мозговой центр этого веселого отряда. Гоп-стоп, кражи и отжимы – мы работаем в узкой специализации, – улыбнулся Жало. – Ваши имена на хер никому не нужны, только погремущки – чтобы ментам труднее было дознаться, если вдруг поймают.

Фара с Бойцом приняли по кружке чая, уцепили по крупному бутерброду и плюхнулись на диван. Теплов матюкнулся, когда пружина уколола в мягкое место, поерзал и примостился удобнее на продавленном диване. Голодные желудки заурчали, и в них бухнулись первые куски бутербродов. Запивая подкрашенной водой, потому что чаем эту бурду можно назвать с большой натяжкой, они уставились на приведшего их парня.

– Лопайте, лопайте, – сказал Жало и сам взял со стола порцию поварского искусства Носорога. – Как пожрете, тогда и расскажу, что мне от вас нужно.

Знакомство

Черные глаза висели в воздухе, каждое не меньше колеса от детского велосипеда. Казалось, что они рядом – протяни руку и наткнешься на скользкую сосудистую оболочку, но так могли подумать лишь те, кто не знаком с голограммами психозора. Следом за глазами появилась голова пожилого мужчины. Появилось знакомое лицо, на котором никто никогда не видел улыбки, нахмуренные брови, морщины, которые глубокими канавами прорезали лоб и щеки. Серые волосы аккуратно зачесаны назад, от правого уголка губ спускалась белая полоска шрама.

– Доброго здоровья и долгих лет жизни, Великий Григ! Чем вызвана честь вашего визита? – произнесла Дрианна.

Сиатра кротко поклонилась, когда на неё упал взгляд верховного правителя. Внимания ей было выделено не больше, чем стоящей у кровати тумбочке. Лицо вновь повернулось к Дрианне.

–Доброго здоровья и долгих лет жизни, девочка. До меня дошла информация, что вы подготовили двух человек из прошлого. Я хочу взглянуть на них, – глухо проурчал голос, узкие губы почти не размыкались.

Дрианна простерла руку по направлению к кровати:

– Они должны вот-вот очнуться, лишь ваше появление задержало меня от подачи команды.

Великий Григ повернулся к девушкам затылком, и те могли наблюдать, как умелые парикмахеры постарались уложить один волосок к другому. Когда же он снова обратил лицо к стоящим, то Дрианна могла поклясться жизнью, что с морщинистого лица только что сошла довольная улыбка. А ведь никто не видел его улыбающимся!!! Даже она... Брови снова сомкнулись, а в глазах появился незнакомый блеск. словно в слизистую оболочку воткнули ряд ярких диодов. Брови приняли прежнее хмурое выражение, но по тонким изломам морщинок, по блеску глаз, по дергающимся уголкам губ Дрианна поняла, что Великий Григ очень и очень доволен.

– Прекрасные экземпляры для Игр Огня. И вы прекрасно слепили из них тела, которые я заказывал. Два моих любимых актера, Жан Клод Ван Дамм и Дольф Лундгрэн в пору молодости и расцвета сил. Однако эти молодые люди могли сойти с ума за время, что находились в ледяном заточении. Дрианна, рекомендую установить блокаду.

– Как будет угодно Великому. Какого рода блокаду вы хотите поставить? – Дрианна потупила взор перед огромным лицом.

Верховный правитель в задумчивости пожевал губами, окинул палату глазами. Сиатра постаралась в красивом свете выставить крупную грудь в надежде на то, что внутри Великого Грига остался дух мужчины, но судьба тумбочки не миновала и на этот раз.

– Записывай, – скомандовал верховные правитель, Дрианна тут же пробежала пальчиками по «наручным часам»:

Скрылось солнышко за лесом,

Последний луч ушел за край.

Пушистый котенок сплет тебе песню,

Баю-бай, баю-бай, баю-бай.

– Но это же... – Дрианна не смогла закончить фразу.

– Да, зато ты не забудешь в любой ситуации, – губы мужчины дернулись, вроде бы попытались изобразить улыбку, но получилась только презрительная гримаса.

Всё-таки он разучился улыбаться...

Сиатра переводила взгляд с Дрианны на Великого Грига и не понимала, что происходит. Блондинка кивнула и повела «наручными часами» по направлению к молодым людям. Два тела дрогнули, колыхнулись простыни. Молодые люди продолжали спать и видеть замороженные сны.

Дрианна вывела на экран те данные, которые её поразили.

– У них великолепные внутренние составляющие духовной силы. Подобные только раз видели на Играх и это...

– Да, это было всего лишь раз. Прекрасно, что именно у нас появились такие экземпляры. Марс, Венера и Меркурий пока что не догадываются о нашем козыре... Девочка, и не нужно, чтобы они догадывались. Мы давно не выигрывали соревнования, поэтому эти Игры должны принадлежать Земле.

– Да будет так, Великий Григ, – с легким поклоном сказали девушки.

– Увидимся на Играх Огня. Проследи, чтобы они прошли хорошую подготовку. Прощай, – большая голова Великого Грига растаяла в воздухе палаты, последними исчезли пронзительные глаза.

– А меня как будто бы и нет, – буркнула Сиатра.

– Ты знаешь его отношение к гозорам. Вот когда пройдешь последний уровень аэкуанимитаса (тест на спокойствие), тогда и заслужишь его внимание. Хотя, порой я мечтаю поменяться с тобой местами, – вздохнула Дрианна.

Теперь пришла пора Сиатры вздохнуть, она недавно провалила седьмую попытку сдать этот ненавистный тест, а следующий раз представится только после Игр Огня. И вроде бы оставалось самую чуточку, но проверяющая Фридара всегда посылала того мускулистого парня и Сиатра срывалась. Старая сучка знала куда бить... Нельзя-нельзя! Сиатра дернулась от укола из хроносалютема – очередное наказание за дурные мысли.

– Ой, Дрианна, не напоминай! И так вся рука в синяках. Вернемся к прерванному занятию. Ты готова?

Блондинка кивнула и громко скомандовала:

– Очнитесь!

Таким голосом мог Христос в своё время скомандовать: «Встань и иди!» По Евангелию человек встал и пошел. Но Дрианна не Иисус и подобного чуда не произошло, хотя глаза молодых людей распахнулись. Игорь и Анатолий уставились в белый ровный потолок. Боец и Фара вернулись к жизни. Остается лишь догадываться, какие мысли промелькнули первыми, но вот слова были напрочь лишены христианского смирения. Крепкий мат такой силы наполнил небольшую палату, что девушки непроизвольно присели.

Известно, что перед смертью люди чаще всего произносят матерные слова, вроде как с ними легче уйти из бренной жизни. Может, с этими же самыми словами люди приходят в этот мир, но в младенческом возрасте их никто не понимает? Вроде как звуковой ключ: пи-пип (я родился) или же пи-пип (я умер). Так это или нет, но молодые люди изрыгали из себя все известные ругательства так, словно стремились испачкать словесной грязью чересчур чистый потолок.

– Перестаньте! Прекратите! – взвизгнула Дрианна, не отнимая ладоней от ушей.

– Да ладно, пусть продолжают, я таких слов даже от самых заядлых преступников не слышала. А что вы посоветовали положить на воротник? – хихикнула Сиатра.

При звуках женских голосов мужчины смолкли и перевели взгляды на девушек.

– Вы к-кто такие? – невнятно спросил Игорь.

Его прилизанные волосы могли служить рекламой бриолина. И к этой причёске в придачу шло мускулистое тело и конечности «мистера Вселенная». Желваки бешено ходили под тонкой кожей. Он оглядел худощавую фигуру Дрианны и взгляд невольно задержался на более крупных формах Сиатры.

Белокурая девушка красива как ангелок и напоминала медсестру-девственницу, настолько чистый белый халатик и настолько невинное личико у неё было. Рыжеволосая же красавица олицетворяла животный огонь страсти, маечка и лосины не скрывали, а скорее подчеркивали упругие достоинства. Сиатра невольно отвела плечи назад, так, чтобы маечка ещё больше натянулась на молочных железах. В плане фигуры она ощутимо выигрывала по отношению к Дрианне, но вот в плане ума...

– Доброго здоровья и долгих лет жизни, пришельцы из прошлого! Как вы себя чувствуете? – спросила блондинка.

Игорь её уже не слышал, он отвел глаза от Сиатры и наткнулся на удивленно поднятые брови Анатолия. Фаре пришлось пару раз моргнуть, чтобы понять, что качок на белоснежной кровати до чертиков похож на его ближайшего друга. На того самого, которого последний раз видел неизвестно сколько времени назад.

Да, Фара не догадывался, что воспоминания о реальном виде друга заменены на другой образ. А если бы и догадывался, то вряд ли в этот момент стал бы думать о таком пустяке.

– Ну, ни хрена себе! Какие люди и без охраны! – прохрипел Анатолий, глядя на ошалевшее лицо Фары.

Сейчас Фара напоминал героя дешевого боевика, который постоянно побеждает, несмотря на то, что в него выпустили весь боекомплект авианосца. Побеждает врагов, потом окровавленный, но несломленный, на фоне пожарищ смачно чмокает полуобнаженную красотку, а та чуть не кончает от радости. Вот такой экземпляр и смотрел на него с соседней кровати.

– Неужели выкарабкались? – спросил Фара.

Он всё ещё не верил в происходящее. Ведь только вчера их привезли в серое безликое здание и смертельный холод коснулся сердца, а сегодня... А что сегодня? Пришельцы из прошлого?

– Доброго здоровья и долгих лет жизни, пришельцы из прошлого! Как вы себя чувствуете? – терпеливо повторила блондинка.

– Как ты нас наз-назвала? – вымолвил Анатолий непослушными губами. Такая невнятица только с большого перепоя вылезала.

– Я повторяю в третий раз. Доброго здоровья и долгих лет жизни, пришельцы из прошлого. Как вы себя...

– Ох... охреть не встать! – прохрипел Игорь. – Так мы в будущем? Вы киборги или люди? Рыжик, подойди сюда, дай ущипну.

Сиатра лишь улыбнулась такой просьбе и коротко подмигнула. Дрианна этого не видела, иначе без укоризненного покачивания головой не обошлось. Вот же зануда!

Анатолий не спускал глаз с Сиатры, словно срывал небольшие покровы с загорелого тела. Маечка почти лопалась на соблазнительных выпуклостях, волосы красивой каштановой волной спускались к плечам. Красавица из поллюсионных школьных снов...

«Такие волосы офигительно смотрелись бы на подушке!» – подумал в тот момент Боец и подмигнул чертовке в ответ.

Нормализация функциональности – 24 %

Непонятная надпись мелькнула перед глазами и исчезла. Боец моргнул от неожиданности. Глюк?

– Мне не сложно повторить в четвертый раз, – начала Дрианна. – Доброго здоровья и...

– Да здорово, здорово, – отмахнулся от назойливого голоска Анатолий. – Не напрягай связи, красотуля. Хреново мы себя чувствуем. Кстати, какой сейчас год?

Дрианна переглянулась с Сиатрой – или это реакция на разморозку, или молодые люди из прошлого действительно так грубо разговаривают? Хотя, если судить по недавнему выплеску мата, сейчас они ещё очень и очень сдерживаются. А если не будут сдерживаться? Внутри Дрианны всколыхнулось давно забытое чувство страха, она ощутила себя ребенком, запертым в клетке с голодными львами.

На руках молодых людей не было хроносалютемов, и они не подчинялись приказам единого наблюдения. Если они кинутся сейчас, то... То ничего не произойдет – у девушек-то хроносалютемы были, да и колыбельная... Дрианна в очередной раз успела восхититься прозорливостью Великого Грига, он словно заглянул в страхи подопечной.

– Постарайтесь не выражаться, вы находитесь рядом с женским полом, поэтому помните о нормах приличия. Сейчас две тысячи двести сорок второй год, – сухо произнесла блондинка.

– Да ладно, Дрианна, пусть ребята позабавятся. Наверное, намолчались в своей гробнице, – повернулась к ней Сиатра.

Игорь вертел головой по сторонам, старался увидеть необычные вещи, которые так часто показывают в фантастических фильмах. Однако, ни говорящих роботов, ни пишущих мусорных баков на колесиках не видно. На бедрах девиц нет даже захудалых бластеров. Ровные стены белой коробки, непонятно откуда льется мягкий свет – никакого намека на двери и окна. Создалось впечатление, что их превратили в муравьев и засунули в светлый пластмассовый

кубик. Два муравчика на кроватках и две мурашки перед ними. Довольно-таки симпатичные мурашки. Особенно рыженькая.

– Перестань, им нужно приучать себя вести адекватно, – пробурчала Дрианна и обратилась к лежащим молодым людям. – Меня зовут Дрианна, это Сиатра, мы нашли вас в заброшенной лаборатории. Так как у вас отсутствовали некоторые части тела, нам пришлось заменить их на биоконечности. Заодно усовершенствовали тела, так как они не приспособлены к грядущим испытаниям. Как звучат ваши имена?

– Чего? Где нашли? Чего у нас не хватало? Какие испытания?

Анатолий ничего не понял из слов девушки. Он продолжал вращать головой, но кроме двух кроватей и тумбочки ничего нового не находил. Разочарование от будущего, такого бедного на технические чудеса, отразилось на конопатом лице. Выходит – обманывали фантасты, хотя они всегда только придумывают, а читатели сами рады обманываться и верить в бредовые фантазии. Анатолий уставился на блондинку.

– Ответы на все вопросы вы получите позже. Сейчас назовите ваши имена, – тоном самой терпеливой учительницы столетия сказала Дрианна.

Сиатра же продолжала завлекательно улыбаться, Игорь с небольшим уколом ревности отметил, что рыжевласка смотрит в основном на Анатолия. Впрочем, в их тандеме значительная часть женского внимания всегда перепадала другу, поэтому он и не сильно расстроился. Не привыкать.

– Моё погоняло Боец, а корефана Фарой кличут. Почему мы не можем граблями шевелить? И когда успели так накачаться? – Анатолий смог оторвать взгляд от сочных губ Сиатры и уставился на Дрианну.

«Они ещё не полностью пришли в себя» – эта мысль убрала страх из души блондинки. Долго же молодые люди пролежали в криогене, если забыли, как нужно двигаться.

– Вам придали вид актеров из прошлого. Ваш тип носил имя Жан Клод Ван Дамм, – Дрианна кивнула Анатолию, потом повернулась к Игорю. – А вы аналог актера по имени Дольф Лундгрэн.

– Да? А чего Шварценеггером не сделали? Я бы мог бревно на плече таскать, – хмыкнул Анатолий. – И баб штабелями укладывал.

Сиатра хихикнула.

– Тебя бы положил первой, – улыбнулся Анатолий. – Скажите, а почему перед глазами какая-то фигня летает? И почему я вижу Игоряху, а не Лундгрэна?

– Всё завтра. Скоро вам пришлют пищу, в течение дня подвижность тела восстановится, и вы сможете передвигаться. Если у вас будут появляться слова перед глазами, то просто моргните, и они пропадут. Это побочный эффект от преобразования. Сиатра, пока оставим молодых людей, уверена, что за время, проведенное в криогене, у них накопилось много того, о чем они хотят поговорить, – Дрианна потянула коллегу за белый рукав, та с видимой неохотой повиновалась.

Напоследок девушка ещё раз сверкнула глазищами в сторону Анатолия. Игорь украдкой вздохнул, но взгляд зеленых глаз скользнул и по его лицу.

Блондинка пробежала пальчиками по экрану своих «наручных часов». Часть стены отъехала в сторону, и в открывшемся проеме показался кусочек такого же белого пространства. У Игоря возникло ощущение, что соблазнительно покачивающая бедрами Сиатра вышла в ещё одну похожую палату. Дрианна прошествовала следом, и стена восстановила своё первоначальное положение. Ни шва, ни намёка на ручку или замочную скважину.

Игорь взглянул на друга и подельника. Тот оскалился в ответ. Долгую минуту они молчали, наконец, Анатолий открыл рот:

– Знаешь, братан, я долго думал – какие слова скажу, когда очухаюсь. В башку лезло разное, от дебильного «Как сам? Как сала килограмм!» до пафосного: «Это маленький шаг

для человека, но огромный для всего человечества!» Так ничего путного и не смог придумать, поэтому скажу просто – охрентельно, что мы живы и снова вместе!

Фара попытался ответить чем-либо в таком же духе, но плотный ком встал в горле охранником-громиллой и не выпускал слова наружу. Он пискнул, разозлился на себя за подобный звук и с усилием протолкнул ком внутрь, туда, где бушевало море чувств и эмоций. Откашлялся и кашель вышел с каким-то сипением.

– Тоха, я тоже рад тебя видеть. Не думал, что ещё увидимся... В мыслях были твои слова, что только уши выползут на свободу. По чесноку – представлял, как нас обкорнают по самое не балуй, и выкинут два обрубка на улицу. А там посадят ухари в переходе и будем выпрашивать милостыню, если останется чем просить. В общем, фигня всякая на ум приходила. Блин, до хрена годков пролетело фанерой над Парижем... Вот бы сейчас увидеть, что там, снаружи?

Скептическое хмыканье Бойца было ответом на вопрос Игоря. Человек, который не раз совершал дурные поступки, никогда не ждет хорошего от будущего – он настроен только на неприятности.

– Да что там увидишь, Фара? Обычный Ёбург, вряд ли он изменился за такое время. Слышь, а вдруг мы в подземном бункере, а на поверхности разгуливают зомбари с какашками вместо мозгов? Не, а чо? А мы типа будем освободителями, нахерачим главарям и вернемся с победой на плечах. Прикольно будет. Нас тогда любить будут и эта, рыженькая... как её? Сиатра? Точно, Сиатра тогда у нас поочередно будет отсасывать.

– А мне беленькая больше понравилась, только чо-то она строгая. На училку похожа. И за зомбарей... Мне кажется, что будет иначе – всех победим, вернемся, и нас заморозят до следующего раза. Мы типа вертухаи из прошлого, солдаты неудачи, – теперь хмыкнул Игорь. – У меня в детстве пластмассовые солдатики были, всегда врагов побеждали. Вынешь их из коробки, расставишь напротив слона и утенка, и они пошкандыбают в атаку. А вечером обратно в коробку, до следующей войны. Всегда побеждали... пока упырь-отчим их не пропил.

Лицо Игоря скривилось от воспоминаний, Анатолий это заметил. Он знал ситуацию в семье Игоря, знал, из-за чего светловолосый парень оказался в колонии. Знал и старался избегать копания в грязном белье. Почти у всех в колонии похожая история, различия лишь в биологических родителях, в прошлом, но сходство в настоящем и почти всегда идентичная судьба в будущем.

Как и раньше Анатолий постарался отвлечь друга от тягостных раздумий.

– Да хорош за прошлое гонять! Братуха, мы же в будущем! Может, тут водку беспохмельную изобрели, прикинь – набухаешься в зюю, а утром как стеклышко! Спорнем, я тебя опять перепью? Чего башкой дрыгаешь? Интересно, а какие тут тачки? Летают или всё ещё на бензине ездят? Блин, вот бы заглянуть, что за этими долбаными стенами творится, а то лежишь тут как кабачок на грядке...

Игорь представил Анатолия на грядке, как друг развалился на рыхлой земле в окружении широких листьев, и расхохотался. Смех – штука заразная и вскоре его поддержал Анатолий. Вспышка безудержного веселья рвалась наружу подобно недавнему матному выплеску. Два молодых человека смеялись как безумные, слезы текли по щекам. В этом смехе выходили страхи, накопившееся напряжение, сумасшествие одиночного заключения. Кровати тряслись, белое пространство комнаты наполнялось дробью веселого хохота.

Ребята смеялись и не догадывались, что за ними наблюдали и фиксировали реакции миллионы скрытых датчиков. Записывали температуру тела, частоту биения сердца, каждый вдох и выдох тщательно отслежен. Аналитические выкладки поступали каждую миллисекунду, штрихи психологических портретов накладывались один на другой. Данные о размороженных людях шли с разных носителей: изголовья, подножия и центральной части кровати. За лежаки, на которых сотрясались от смеха молодые люди, врачи прошлого, не раздумывая, отдали бы половину жизни.

Игорь не обнаружил в палате ничего из фантастического будущего, но даже не догадывался, что лежит на ложе, целиком состоящем из мельчайших датчиков. Прокрустово ложе по сравнению с его кроватью всего лишь детская игрушка. Если на лежанке разбойника можно или лишиться головы, или вытянуться до определенного размера, то на кровати будущего можно легко умереть за долю секунды.

Напрасно Дрианна волновалась за возможное нападение со стороны «пришельцев из прошлого» – седовласый мужчина не переставал держать руку на кнопке хроносалютема. Пусть верховный правитель находился за несколько сотен километров, но они на постоянном контроле. Если ребята только вздумают напасть, то наказание последует незамедлительно. Легкий укол из глубины кровати, и окажутся напрасны труды по возрождению и воспроизведению конечностей. Они даже не заметят, что умерли... но нельзя. Пока нельзя! Пусть посмеются. Мужчина наблюдал за ними, на щеках вздувались желваки. Наконец-то нашлись...

– Слышь, а что там белесая протрында про хавчик? Когда его притаранят? – отсмеявшись, Анатолий вытер рукой пот со лба и удивленно уставился на ладонь. – Ты глянь, у меня руки заработали. Вот что смех животворящий делает.

Нормализация функциональности – 32 %

Надпись пронеслась перед глазами Игоря, и тот встряхнул головой. Движения потихоньку приходили в норму, он тоже попытался поднять руку и сжал пару раз пальцы в кулаки. Такой кувалдой челюсть можно вынести на раз. Не меньше, чем у Носорога. А кто это – Носорог? Воспоминание пришло каким-то обрывком. Так бывало, когда идешь по осенней улице, дует промозглый ветер и в один из моментов прилетает сорванный лист. Мазнет по лицу и тут же умчится разлагаться в перегной или сгорать в костре дворника. Так и это воспоминание – мелькнуло и пропало. Кто-то важный, но вот кто?

– Я тоже могу! Блин, ну и ручищи же нам прищпандырили, у меня нога в обхвате меньше была... Наверное, – Игорь согнул и напряг руку, под кожей вздулся бицепс размером с футбольный мяч. – Круто, это как же надо стероидов обожраться, чтобы такую дурищу нарастить?

Анатолий уперся руками в постель и принял сидячее положение, простыня сползла ниже, следом за поднимающейся спиной двинулась и часть кровати. Боец сидел, а спину поддерживала белая поверхность. Так же поступил и Фара. Молодые люди сидели на удобных креслах с подставками для ног. Кровати согнулись ровно по центру. Боец сдернул простыню и спустил ноги с кровати, только тогда он удивленно уставился на пах.

– Игоряха, зацени – какую мне балдень приделали.

– Ничего себе, да ты её грецкие орехи теперь колоть можешь. А вот у меня прежний стручок остался. Привет, родной! Или это не мой? – Игорь тоже откинул простыню и глянул вниз.

– Слышь, я думаю, это Сиатра постаралась, недаром же так на меня косила зеленым глазом, – улыбнулся Анатолий. – Походу будущее не такое уж хреновое, как мы придумывали.

Игорь попробовал встать на ноги, которые по мускулатуре напоминали нижние конечности скульптуры Геркулеса Фарнезского. Неуверенность понемногу проходила, и он переставил ногу чуть вперед, как ребенок делающий первый шаг. Чужая нога послушалась как родная. Игорь приставил вторую ногу и попробовал присесть. Ноги повиновались. Анатолий наблюдал за его действиями и уже напряг руки, чтобы тоже встать, когда посторонний голос заставил вздрогнуть от неожиданности.

– Да уж, там есть на что полюбоваться, – в проеме беззвучно отъехавшей двери улыбалась Сиатра.

Игорь тут же отпрыгнул к кровати и прикрывшись. Анатолий поступил также, но успел заметить, куда Сиатра стрельнула глазками. Его предположения подтвердились, легкая улыбка показалась на губах, но сразу исчезла, стоило только Сиатре задать свой вопрос.

– Так вы из тех, кто любит особой своего пола? – спросила девушка после того, как легкое замешательство покинуло ребят, и они вопросительно уставились на неё. – Иначе зачем разглядывали органы репродуктивной системы?

– Чё? Ты нас за петухов не держи, краля, иначе можем прямо сейчас доказать обратное, – проворчал Анатолий. – Мы новые тела осваиваем, а не то, что ты подумала. На хрена нас так накачали? Зачем вообще достали из холодильника?

Сиатра вновь улыбнулась и посторожилась, пропуская мимо себя два парящих в воздухе подноса. С подобными пластиковыми подносами люди прошлого важно шествовали в заводских столовых, когда высматривали свободные места. Теперь же переноски блюд несли на себе по две емкости. В глубоких тарелках покачивалось темно-серое пюре, похожее на застарелую овсянку. В более мелких посудинах лежали зеленые куски, по форме они напоминали застарелые горбушки, отрезанные от бородинского хлеба. Это неприглядное зрелище способствовало полному убийству аппетита.

Игорь успел пожалеть, что взглянул на предлагаемую пищу, а ещё больше пожалел, что понюхал – еда пахла сыром-рокфором, завернутым в грязные носки. Желудок подскочил к гортани. Такое же чувство испытал и Анатолий – если бы не пустые животы, то рвота точно испачкала белоснежные простыни.

– Вы нас разморозили, чтобы испытать бактыр... бактур... бактериалагическое оружие? – Игорь так и не смог справиться с трудным словом, но не смог отказать себе в удовольствии блеснуть интеллектуальными познаниями.

– Вас что-то не устраивает? – искренне удивилась Сиатра. – У нас это повседневная пища. Ученые давно установили для каждого человека идеальный баланс витаминов и аминокислот, которые способствуют поддержанию жизни и нормального функционирования организма. Вбиваешь в молекулярную кухню данные о том, что тебе предстоит сегодня сделать, и комплекс на день готовится в течение секунды. Чего у вас такие лица?

Подносы так и висели у лиц молодых людей, только сейчас ребята заметили отсутствие столовых приборов. Тарелка «витаминов», краюха зеленого хлеба и всё. Как же это поглощать?

Анатолий погасил очередной рвотный порыв и отодвинул поднос подальше. Кстати, на чем он парит, на реактивных двигателях? Боец заглянул под днище и обнаружил черную пленку, она дрожала, переливалась по пластиковой поверхности дна и очень походила на лужицу ртути. Однако в отличие от жидкого металла эта пленка не отражала свет, а наоборот, поглощала. Как космическая черная дыра втягивает в себя планеты и растворяет в ненасытном чреве, так и пленка забирала белый свет и оставалась пластиной непроглядного мрака.

– Ого, а что это за хреновина под хаваниной переливается? Потрогать можно? – Анатолий протянул указательный палец.

– Пробуй-пробуй, а палец и новый пришить можно! – девушка расхохоталась, когда увидела, с какой скоростью Боец отдернул палец.

Игорь тоже заглянул под днище, несколько секунд изучал черную лужицу и опять вернулся к созерцанию «пищи будущего». Фара вспомнил, как в детстве нашел под кроватью упавший ломтик хлеба, тот успел засохнуть и заплесневеть. Тот ломтик очень напоминал лежащую на тарелке горбушку, словно пришел привет из подкроватного детства. Игорь не мог себя пересилить и коснуться творения ученой мысли. Пусть полезное, пусть витаминизированное, пусть говорят о сходстве во всеядности людей и свиней, но даже с закрытыми глазами пустой желудок выворачивает наизнанку.

– Прикальваешься, симпатюля? – Анатолий всё-таки рискнул потрогать пальцем черную пленку.

Ничего не произошло. Пленка продолжала жить своей жизнью, металлически холодила кожу, не думала рассыпаться и рассасываться от прикосновения живой плоти. Анатолию пока-

залось, что он коснулся вибрирующей стенки холодильника, в тот момент, когда включается компрессор. Для полной палитры знакомого ощущения не хватало легкого дребезжания.

– Вот, старалась сдерживаться с вами, говорить как «умстеры», а не получается. Знаю, что получу лишний час упражнений и лишнюю ситуацию на тесте, но не могу удержаться. Оттопыривайтесь, пацанята, хавайте подгон босяцкий. Лажи нет, сама харчуюсь этим хручилом, так что белоглазому другу не будете душу изливать, – Сиатра щелкнула ногтем по белоснежному зубу и провела пальцем по шее.

Укол хроносалютема дал понять, что её действия учтены и у старой Фридары появилась новая информация.

– Да ты в теме, симпатюля, и бакланить можешь по-человечески. Может, забереешь эту детскую неожиданность и пришлешь пару хороших отбивных, картошку жареную и салатик на свой выбор. Нет? Чо, даже шаурму не намутишь? Ой, мама, заморозьте меня обратно, – пожаловался в пустоту Анатолий.

Нормализация функциональности – 45 %

Игорь отпрянул от возникших перед глазами слов.

– Слышь, а чо это за туфта возникает? Какая такая нормализация фуку... фунуки... да чтоб тебя, в общем фигня с процентами?

– Это ваше состояние на данный момент. Вы приходите в себя и привыкаете к новым телам. Вам нужно поесть и после сна будете готовы на все сто процентов.

– Готовы к чему? – спросил Анатолий.

– Увидите. Вам точно понравится, – загадочно улыбнулась Сиатра.

– Ну вот, разбудили, накачали, в секретки играют, а еды нормальной не дают. Слышь, красотуля, колись – это уже кто-то ел, а?

Пока Боец сокрушался о несовершенстве нового мира, Сиатра грациозно приблизилась, чуть нагнулась к подносу и с удовольствием отметила, как взгляд черноволосого парня скользнул за вырез маечки. Вот что значит обоюдная симпатия. Если выпадет удачная карта, то они успеют уединиться до отправки ребят в тренировочный лагерь. Пока же Сиатра неторопливо отломала от горбушки, макнула в темно-серое пюре и не спеша прожевала серо-зеленый кусочек. Ребята смотрели во все глаза на подобное издевательство над организмом. У Игоря даже мелькнула мысль, что вместо неказистого кусочка гораздо лучше бы смотрелась клубника со сливками...

– Вот видите, ничего страшного. Очень полезно и питательно. Пораскиньте извилинами – если бы хотели вас отравить, то зачем бы так долго копались с разморозкой? Ешьте, а я пока принесу одежду. У тебя какой размер? – обратилась она к Анатолию.

– Показать? – он с готовностью схватился за простыню, но Сиатра только усмехнулась.

– Я про одежду спрашиваю.

– Раньше была Эл-ка, а сейчас... – Боец осмотрел себя, – сейчас не меньше трех икс элов.

– Что? – переспросила Сиатра и хлопнула себя по лбу. – Чего же я спрашиваю, вы же наших размеров не знаете. Ладно, сиди на попе ровно, не дергайся.

Боец не успел открыть рта, как девушка направила в его сторону «наручные часы». Зеленая полоска скользнула по мускулистому телу, словно в супермаркете отсканировали штрихкод на пачке сигарет. Такая же участь постигла и Фару. Сиатра взглянула на «циферблат» и удовлетворенно кивнула.

– Хорошо, ешьте и постарайтесь немного поспать. Пище нужно время, чтобы усвоиться и приспособить ваши желудки к дальнейшему. Я приду позже.

– Слушай, дай хоть стакан воды, чтобы эту бодягу запить, – взмолился Игорь.

– Так вода у вас на тарелке, – Сиатра показала на зеленую горбушку.

– Это вода? – Игорь озадаченно почесал затылок.

– Ну да, у вас же в прошлом был сухой лед? Так почему же не быть сухой воде? Удобно – ничего не расплескаешь и не вымочишь. Переходит в жидкое состояние только при контакте со слюной. Подносы сами вернутся на место, когда вы освободите их от еды. В общем хавай, рванина, уплотняй щи! – укол хроносалютема вновь засчитал Сиатре переход на гозорский сленг.

Ребята проводили взглядами обтянутый лосинами упругий круп и поймали на прощание белозубую улыбку. Стена скользнула на место и опять приняла вид цельного бетонного блока. Бетонного блока, от которого исходил неяркий свет. «Интересно, а где у этой стены выключатель? Или так и придется спать при свете?» – подумал Игорь.

Нормализация функциональности – 49 %

– Я рискну, братуха. Кому суждено быть повешенным, тот воды не боится, – вспомнил Анатолий старую поговорку.

– Я тоже. Давай на пару, если помчимся на толчок, то чур я первый, – Игорь скривил губы в ухмылке. – Главное – не нюхать.

– Прикинь, а если ты не до конца разморожен и из тебя сосулька вылезет? – засмеялся Боец.

Игорь поддержал смех, и две руки отломили по зеленому кусочку.

Немного истории

Ограбление... Лихой налет, когда в грабителях просыпается кровь викингов, когда насканивают на одинокого дурня, который вздумал идти по пустынной улице. Несколько ударов, быстро обшарить карманы и бежать, унося добычу... Прямо по Цезарю: пришел, увидел, победил... и сделал ноги.

Статья сто шестьдесят первая и сто шестьдесят вторая идут рука об руку и незаметно переливаются одна в другую. Под какую статью попадет в следующую вылазку гоп-компания – известно одному Всевышнему, хотя, возможно, и Он делает ставки с ангелами, когда наступает ночь. Сидят на небесах, а под ними раскинулась Земля сине-зеленым столом крупье и рулетка уже запущена.

– Ставки сделаны, ставок больше нет! – возвещает архангел Гавриил, и весь небесный сонм наблюдает за тем, как гоп-компания выбирается из своего подвала.

У каждого ангела есть шанс поставить на того или иного запоздавшего человека и забрать куш, если именно его встретят скучающие молодые люди. И вечно крутится рулетка из людей и вечная игра продолжается. Что ж поделаться – на небесах тоже бывает скучно. Редкие стычки с преисподней развлекают лишь на время, всё остальное же время ангелы коротают за игрой в небесном казино.

– Ты глянь, Глист, какой-то фуфел нарисовался, – Носорог ткнул в бок приятеля. – Сегодня твоя очередь щемить лоха.

Белобрысый паренек болезненно скривился, хорошо еще, что в темноте никто этого не заметил. Этот перекачанный дебил никогда не рассчитывает силы – чуть ребра не сломал. Только за силу его и держат, так бы давно попросили не приходить в штаб-подвал. Вежливо попросили...

– Не Глист, а... Хотя всё равно не запомнишь, – огрызнулся Змей. – Мы с Котом вперед пойдем, а вы сзади прикрывайте.

– Чего это с Котом? – поправил очки на переносице «водитель-ботаник». – Зацени – лох крепкий шурует, он из нас котлеты сделает, пока вы подоспеете.

– Во-во, тогда поймете, что не в компьютерном железе сила, а в штанге и гантелях, – Носорог согнул руку и выпятил внушительный бицепс.

Фигура приближалась. На пустынной улице ни души, и фонари освещали одинокого прохожего как наиболее удобную мишень для нападения. Человек иногда оглядывался и ангелы на небесах затаились – вот-вот один из них должен сорвать банк. Улица, прямая как швейная игла, с одной стороны оштетинилась забором из металлических прутьев, за ним шелестел кронами городской парк. С другой стороны угрюмыми стражами встали липы с невысокой изгородью шиповника.

– Носорог, поясни тему – с какого ты начал командовать? – лениво поинтересовался Жало. – Или сила есть – ума не надо? Забыл, где твоё место? Так я напомнить могу.

В свете уличного освещения сверкнули глаза Носорога. Он хотел было вскинуться и в полном соответствии со своей кличкой броситься в атаку, круша и ломая всё на пути... Однако, если такое могло произойти раньше, то сейчас возле Жала находились Боец и Фара, а Носорог успел увидеть их в действии. Эти жилистые доходяги дрались как черти и их точные удары вырубали противника чуть ли не с первого раза. С присвистом выпустил воздух, пожал плечами и развел руки.

– Да ладно, уж и пошутить нельзя. Если сейчас кусаться начнем, то лох уйдет и останемся на голяке.

Фигура приближалась. Молодой человек с рюкзаком на правом плече пока ещё не увидел стоящих в тени автобусной остановки.

– Замяли, – бросил Жало и скомандовал. – Боец и Кот навстречу, Фара и Змей справа, мы с Носорогом отрезаем сзади. Работаем!

Молодой человек вздрогнул, когда от стены автобусной остановки отделились две тени и встали перед ним. Он отчетливо услышал, как смачно сплюнули за спиной. Почти деликатное покашливание из кустов дало понять, что путь перекрыт, и он находится в ловушке. Остается надеяться, что удастся вырваться с минимальными потерями.

– Слышь, закурить не найдется? – банальная фраза от черноволосого парня звучала как «здрасте».

– Не курю, – парень думал, что голос не дрожит, – извините.

– Зато мы курим, может, бабла подкинешь на сиги? – спросил второй человек.

Шарканье шагов за спиной приближалось. Вот же не повезло, знал бы, что так обернется – ни за что не пошел провожать однокурсницу после тренировки. Лучше бы вызвал такси. Мысли мыслями, но нужно выбирать. На руке одного тускло блеснула полоса металла, значит, так просто не отпустят, будут бить. Всегда смелые, когда толпой на одного. Мысли металась как лошади в горящей конюшне. Куда? Назад нельзя, с бока тоже встали, прорваться не удастся. Через забор!

– Чего застыл, обосра... – Боец не успел договорить, когда парень ударил его рюкзаком.

На краткий миг парень успел пожалеть, что в рюкзаке находились кроссовки и спортивная одежда, а не гантели или пудовая гиря. Однако человек с кастетом отшатнулся, и молодой человек прыгнул в сторону забора.

– Ты чё, терпила, охренел в конец? – окрик только придал сил.

Подобно коршуну парень взлетел на кирпичную кладку, оттолкнулся, вцепился в верхний край забора. Подтянулся, уперся ногами в перекладину по центру и почти перелетел на другую сторону, когда за кроссовку схватила цепкая рука...

Строители, устанавливавшие в прошлом году этот забор, для устрашения непоседливых школьников приварили на каждый прут забора небольшие острые наверхия, похожие на накопечники копий. Рабочие не предвидели, что их творение послужит орудием смерти для Максима Балова, студента Уральского Государственного Аграрного Университета. Для человека, на которого всего лишь поставил один из ангелов...

Раздался треск ткани, хрустнули сломанные кости. Молодой человек повис на арматурных пиках, жалобный писк вырвался из моментально пересохшего рта. Руки скользили по

металлическим прутьям, тело пыталось изогнуться и вырвать из себя инородные предметы, но острые наконечники вышли из спины и не собирались так легко отпустить свою жертву. Сухой рот увлажнился слюной с металлическим запахом, лишь спустя несколько секунд Максим понял, что это вовсе не слюна...

В руке Носорога остался кроссовок, он, раскрыв рот, смотрел на дергающееся тело. Он так бы и стоял, если бы Жало не дернул его за рукав.

– Валим, чего встали? Заметут, и мокруху пришьют! – рявкнул Жало и припустил вдоль по улице. Остальная команда рванула за ним. На заборе ещё бился в конвульсиях неудачливый «Ромео».

На небесах ангелы поздравляли коллегу с выигранной ставкой...

Ассимиляция ч. 1

Есть пословица – «голод не тетка». Полностью звучит так: «Голод не тетка, пирожка не поднесет». Впервые встречается ещё в словарях девятнадцатого века, и обычный человек гадает – что это за тетка? Сестра отца или матери? Или вообще любая тетка? И если голод мужского рода, то почему его сравнивают с особой женского рода?

На взгляд Игоря Теплова по кличке Фара эта пословица отражала реально существующее положение вещей в мире, он даже переиначил её для лучшего понимания: «Жрать захочешь и ежа заточишь!» Такое философское мировоззрение облегчило поднесение ко рту серо-зеленого куска. Главное – не вдыхать носом!

Вкус оставлял желать лучшего – словно пластилин оставили на солнце, и он расплылся на тарелке. Сиатра не обманула по поводу сухой воды! Стоило зеленому веществу коснуться языка, как оно растворилось, и в пересохший рот пролилась столовая ложка теплой влаги. Первое впечатление от пищи было отрицательным, она едва не попросилась обратно, лишь невероятным усилием воли Игорь заставил себя сделать глоток. Какая гадость ваша заливная рыба!

– Вода пахнет подмышками бомжа, – пожаловался он другу, который застыл с куском в руке, – но в целом жрать можно. Походу, другим нас угощать не будут, так что придется этим набивать брюхо.

Анатолий кивнул в ответ, немного помедлил и кинул в рот «яство». Игорь наблюдал за лицом товарища и гадал – неужели его также перекосило? Дикая гримаса Бойца в полной мере отражала удовольствие от приема пищи.

– Да, это не рябчики с ананасами. Ладно, живы будем – не помрем! – Боец подмигнул Фаре и отломил новый кусок зеленого хлеба.

Игорь отбросил в сторону брезгливость и последовал примеру друга. Вскоре пластиковые подносы с пустыми тарелками упорхнули к беззвучно открывшейся двери. Ребята проводили их взглядами, вычищая языком прилипшие к зубам частички «сбалансированных витаминов и аминокислот».

– А что же за хрень эти подносы тащит? Сиатра так и не ответила. Надо будет потом её снова спросить, – почесался Анатолий.

– Какая-нибудь высоконаучная фигня, мы же в будущем, тут по-другому быть не может, – рыгнул Игорь.

– Слышь, даже в колонии жрачка лучше была. Может, местные и привыкли, но я бы ещё что-нибудь заточил. Шашлычка с картофанчиком и пивка ящичек – большего не надо.

– А я бы сейчас котлету с пюрешкой навернул из нашей кафешки. Наплевать, что там мало витаминов и котлеты больше чем наполовину из хлеба, зато сытно. Хотя изжога потом донимает адская и не всегда сода справляется.

– Игоряха, да ты в ту кафешку только и бегал ради продавщицы. Как только язву не заработал? После тебя в толчок зайти было невозможно!

– Да ладно, хорош трындеть – не так всё плохо, – зевнул Игорь и откинулся на кровати.

Белая поверхность подалась назад и из кресла вновь приняла форму ровной поверхности. Подушка слегка надулась, подняв рыжеволосую голову так, как рекомендуют ортопеды для лучшего и спокойного сна. Игорь сладко и с протяжным звуком зевнул – хоть кровати в будущем удобны. Нега и тепло разлилось по телу.

Анатолий тоже накрылся простыней:

– Ладно, утро вечера мудренее, хотя, сейчас хрен разберешь – или день на улице, или ночь. Вот подавим на массу чутка и потом узнаем всё у девок. Напомни мне спросить про... про... про... у-у-у-а-а-ах. Ой, бляха-муха, чуть пасть не порвал. Про эту черную фигню под подносами.

– Угу, – буркнул Игорь и смежил веки.

Через пару минут раздалось ровное спокойное дыхание. Свет в комнате медленно потух, словно в кинозале механик выключил освещение перед показом фильма. Остался темно-серый сумрак, будто в закрытой комнате долго и упорно курили потенциальные смертники, а каждая выкуренная сигарета не убивала их, а продлевала момент перед походом на электрический стул. Перед последним походом.

В этом сумраке миллионы датчиков зафиксировали, как открылась дверь и на пороге возникли две фигуры. Поднялись хроносалютемы, пальцы шустро пробежали по экранам. Глазам фигур не нужно освещение – генные инженеры постарались, чтобы люди будущего могли видеть не только днем, но и в полной темноте. Удобная вещь, когда ночью на ощупь пробираешься в туалет, или крадешься к холодильнику.

Фигуры с округлыми формами направили руки на лежащих, и под простынями возникло движение. На белом фоне простыней показались черные щупальца, словно из-под ткани выползали заблудшие осьминоги. Щупальца подтягивали за собой чернильные кляксы, по ножкам кроватей они спустились на пол и растворялись в воздухе, как апрельский снег под солнцем. Молодые люди всё также безмятежно спали.

– Наноиды справились с задачей, вся пища пошла на постройку тел. Они готовы физически, осталось самое трудное – психологические настройки, – прошептала Дрианна, Сиатра кивнула.

– Судя по общению и инстинктам, это будет не так уж трудно. В их время почти каждый человек являлся потенциальным кандидатом на Игры Огня. Через восемь часов проведу экскурсию для анализа слабых мест. В любом случае я буду ставить на черненкокого. Сдается мне, что мы с тобой нашли если не победителей, то, по крайней мере, полуфиналистов. Так и представляю себе лицо Фридары, когда её ставка отсеется на первом этапе, а моя будет идти дальше, – Сиатра зажала рот ладонью, чтобы звонкий смешок не разбудил ребят.

Дрианна с сочувствием посмотрела на коллегу, она давно уже не делала ставки и не «болела» за своих бойцов. В её обязанности входило подготовить и передать в заботливые руки тренеров, а остальное... Сколько их прошло через её хроносалютем? Один или два десятка? Был один победитель и трое добирались до полуфинала. И всегда она помнила одно правило: «Не привыкай к подопечным!»

Над лежащими людьми в воздухе возникли два вытянутых прямоугольника зеленого цвета. В каждой мигнула запись:

Здоровье 100 %

Девушки посмотрели на экраны хроносалютемов. Там высветилась одна и та же фраза:

Нормализация функциональности завершена.

Игроки готовы к соревнованиям

– Ладно, Сиатра, наступит время – увидим, кто останется в живых.

– Нет, мы точно напали на сокровище! Вон даже Великий Григ заулыбался, когда увидел их.

Дрианна промолчала. Сдержанность – отличительная черта умстеров. Сиатре нужно ещё очень и очень постараться, чтобы приобрести эту особенность характера. Девушки вышли, дверь беззвучно скользнула на место.

Молодые люди спали. Они не привыкли распространяться о своих снах и вряд ли утром расскажут, что приснилось на новом месте. Человек, который знает, что каждое произнесенное слово может быть использовано против него, редко является болтуном. А уж впускать посторонних в свято хранимую нишу снов и фантазий – вовсе считается моветоном. Сон это святое. Там можно позволить себе стать слабым и беспомощным, либо наоборот героем без страха и упрека. Безногие во снах выигрывают марафоны, безрукие занимаются армреслинг, слепые работают впередсмотрящими и кричат: «Земля!», немые выступают перед миллионными аудиториями. Во снах сбываются мечты... и обретают плоть самые затаенные страхи.

Дверь в сумрачную комнату вновь отъехала в сторону и в проем беззвучно влетели два комплекта одежды. Стена приняла обычный вид. Стопки подлетели к изголовьям и тихо опустились на пол. Из-под ткани показалось черное щупальце. На миг застыло и растаяло. Молодые люди спали.

Миллионы датчиков наблюдали за ними, кровати принимали удобное положение для позвоночника, стоило телам шевельнуться. Мерное дыхание вздымало грудные клетки. Обычный сон в необычной кровати. Так пролетал час за часом, пока комната вновь не осветилась мягким светом, исходящим с потолка, стен, пола.

– Доброе утро, сони! Пора вставать! Нас ждут великие дела и свершения! – Сиатра звонким голосом заменила деревенскую птицу, которая пытается напугать восход солнца истеричным криком.

– Утро по сути не может быть добрым. Дурацкое слово, образовано от «утираться», а я ненавижу это делать, – пробурчал Игорь и попытался натянуть простыню на голову.

– Хм, никогда не думала об этом, – улыбнулась Сиатра и подняла хроносалютем. – Всё равно я вам не дам валяться.

Анатолий очнулся в положении сидя – кровати вновь приняли положение кресел.

– А мне кажется, что слово «утро» произошло от «утырка», то есть от чела, который не дает поспать! – недовольно промычал Боец, разодрал заспанные глаза и не пожалел об этом.

Сверху на Сиатре красовалась синяя маечка-топик, на длинных же ногах находилось подобие персидских шаровар. Почти прозрачные у щиколоток, они уплотнялись и переходили в непроницаемый синий цвет к поясу. Если к этому прибавить каштановые волосы и аппетитные формы, то в комнате улыбалась сексуальная фантазия восьмиклассника. Да и взрослому глазу приятно посмотреть. Анатолий сглотнул. Игорь последовал его примеру.

– У ваших кроватей одежда, одевайтесь. И двигайтесь активнее, нам нужно многое успеть, – велела Сиатра.

– Ты бы вышла, – буркнул Игорь.

– Да что я у вас не видела? – усмехнулась Сиатра. – Если я вас смущаю, то отвернусь. Хм, опять эти предрассудки прошлого.

Анатолий хотел сказать, что не смущается, пусть смотрит, но девушка уже отвернулась, а сотрясать лишний раз воздух он не любил. Зато он заметил над головой друга парящий вытянутый прямоугольник. Подняв глаза к потолку, обнаружил такой же над своей головой, прямоугольник дико походил на цифровой индикатор хп в компьютерной игре «Dota». Это что?

– Что это за фигня, красотуля? – опередил его вопрос Игорь.

– Это состояние вашего здоровья. В связи с тем, что у вас пока ещё нет хроносалютемов, мы сможем ориентироваться на эту шкалу. Если что-то пойдет не так, то это сразу же отразится на индикаторе, – пожал плечами Сиатра. – Обычная практика. Одевайтесь же, мне ещё нужно

провести экскурсию и рассказать, как обстоят дела на нашей планете. Небольшой круиз перед Играми Огня.

– Ну, игры я люблю. Особенно литробол и постельное двоеборье, – хмыкнул Игорь.

Предложенная одежда состояла из серой футболки, серых же спортивных штанов и почти невесомых спортивных туфель. Словно опытные портные подгоняли по фигуре – нигде не мялось, не висело и не давило. Ребята переглянулись – только голубеньких свитерков на плечи не хватало, чтобы небрежно связать рукава на груди.

– Ты похож на студентика из Ма-а-асквы, – хмыкнул Анатолий.

– Себя бы видел, мажорчик, – не остался в долгу Игорь. – Жан Клод Ван Дамм – дам в рот, дам вам!

– А ты Дольф Лундгрэн... – замылся Анатолий, но так и не смог придумать рифму. – В общем, иди в задницу.

– А как по мне, так нормальные люди, – окинула их взглядом Сиатра. – На умстеров ещё не похожи, а вот среди гозоров будете как свои.

– Кто это такие? – подозрительно сощурился Боец. Не то чтобы неизвестность пугала, но он всегда старался следовать формуле «предупрежден, значит вооружен».

– Пойдемте, и всё сами увидите, – Сиатра повернулась к выходу.

– А как же принять ванну, выпить чашечку кофе? – протянул Игорь.

– Что?

– Да ничего, это приколы из старого фильма. Не обращай внимания, провожай, – мягко улыбнулся Анатолий.

Сиатра задержалась на мгновение, любуясь на него, и легкой птичкой выпорхнула наружу. Анатолий проследил взглядом за тем местом, где шаровары уплотнились, и вздохнул, потом посмотрел на Игоря.

– Ну, братуха, пойдем знакомиться с будущим?

– Очкуешь?

– Есть мальчика. Ладно, не ссы, прорвемся.

Выдав старую мотивационную приговорку, Боец шагнул к дверям. Фара пошел следом.

Они вышли в коридор, пустынный и длинный, словно тоннель под Ла-Маншем. На стенах, на уровне человеческого роста, мерцали фиолетовые цифры размером со спичечный коробок. Ребята оглянулись на палату, откуда только что вышли. Над скользнувшей дверью высветилось один-шесть-три-семь-два. Только цифры и гладкие стены. Конец коридора терялся вдалеке. Мягкий свет сопровождал идущих. Ни эха, ни звуков, ватная тишина обложила уши и давила на перепонки. Чтобы как-то развеять это жуткое умиротворение, Анатолий обратился к Сиатре:

– Слышь, а как у вас справляют эти... как их, естественные надобности? А то по утрам жидкость просит выхода наружу. Или у вас в будущем такого нет?

Сиатра не ответила, только подняла узкую ладошку и остановилась у прямоугольника, над которым мерцали два ноля. Часть стены скользнула в сторону и за ней осветилась странная комната. Боец недоверчиво заглянул внутрь. Четыре кабинки слева от большого зеркала, четыре кабинки справа. Под зеркалом четыре умывальника, только вместо привычных кранов над углублениями застыли изогнутые плафоны. Такие лампы устанавливают на письменных столах ученые мужи, много работающие по ночам.

– Заходите, там же и душ примете, одежду можете не снимать. Надобности налево, душ направо. Когда закончите, постучите в дверь. Я бы тоже зашла, но вы же смущаться будете.

– Чего? Под воду и в одежде? Сбрендили вы тут все, что ли? – пробурчал Игорь.

Девушка только улыбнулась. Пусть идут – сюрприз будет. Фара не дождался ответа и шагнул в комнату. Анатолий прошел следом, одарив Сиатру обжигающим взглядом. Та подмигнула в ответ. Стена скользнула на место.

– Испробуешь толчок будущего, – Боец подтолкнул Фару к левым кабинкам.

– Ага, вот почему-то в фильмах всегда есть летающие автомобили, бластеры, даже чпокаются, не снимая виртуальных шлемов, но никогда нет толчков. В будущем что – вечный запор? Хотя с такой жратвой... Не толкайся, лучше душ испробуй.

Игорь открыл кабинку, ожидая встретить всё что угодно, но его терпеливо дожидался обычный фаянсовый унитаз. Фара облегченно выдохнул и тут же озадаченно почесал макушку – на стенке не было рулона бумаги. Вместо неё находилась синяя пластмассовая кнопка. Эх, была – не была! Фара расстегнул штаны.

Боец же смело шагнул в первую кабинку справа от зеркала и очутился в подобии вертикального солярия. Никаких привычных кранов и лейки над головой. Две клавиши на стене с надписями: «Начать» и «Закончить». Боец озадаченно почесал голову – издевалась Сиатра или нет, говоря, что одежду снимать не нужно? Решил довериться симпатяжке и нажал клавишу «Начать».

Ничего не произошло. Абсолютно ничего: не брызнули фонтанчики горячей воды из скрытых отверстий; не загудели воздушные струи; по телу не заскользили цветные пятна света. Боец ощутил себя слегка одураченным – вот и доверяй после этого женщинам. Он уже протянул руку к кнопке «Закончить», когда произошло такое, что потом долго вызывало усмешку у ребят.

– Почти хорошо, вот только на ободок брызгать не нужно! – раздался веселый женский голос, в котором веселость тут же сменилась озабоченностью. – Ну, куда? Куда? Эх! Опять антисептиком придется мыть, а ведь только-только всё привела в порядок. Какие же вы, мужчины, неаккуратные. С собой не можете справиться, а рветесь управлять всем миром!

Боец выглянул из своего «солярия». Как раз вовремя, чтобы увидеть, как из туалетной кабинки вылетел злющий Игорь. Тот торопливо стягивал завязки спортивных штанов, руки скользили, и шнурок не хотел делать петлю. Лицо по цвету напоминало мякоть спелого арбуза.

– Ты чё – бабу туда привел? Вот ты скоростной, – восхитился Анатолий и вышел из душа.

– С легким паром! – раздался тот же женский голос, теперь пришла пора вздрагивать Анатолию.

В кабинке «солярия» никого не было. Ребята переглянулись и уставились на замерцавшее зеркало. На гладкой поверхности возникло женское лицо. Женщина с синими волосами перевела взгляд с Фары на Бойца. Лицо красивое, симметричное и... неживое. Такие высокомерно-отрешенные лица бывают у манекенов в витринах дорогущих магазинов. Лица, которые просят кирпича.

– Благодарю вас за посещение комнаты очищения. Надеюсь, что вам понравилось и в следующий раз вы вновь воспользуетесь нашими услугами. Желаю хорошего дня и долгих лет жизни, – голос монотонно пробубнил заученную формулу и лицо растаяло.

Игорю показалось, что напоследок женщина сверкнула на него гневным взглядом.

– Вот эту бабу я и привел. Прикинь: стою, никого не трогаю, коней привязываю, а она появляется в толчке и начинает давать указания. Как не обосрался – ума не приложу, – выдавил Игорь.

– Будущее, чё ты хочешь, – хмыкнул Анатолий и покровительственно похлопал по плечу напарника по заморозке. – Тут надо держать ухо востро. Руки помыть не забудь, а то не дело здороваться с потомками забрызганными крабами.

– Да я... А ладно, – отмахнулся Игорь, видя, как друг скалится над его смущением.

Он поднес руки к плафонам над умывальником и... вновь ничего не произошло. Никаких вертушек кранов, никаких регуляторов. Пластиковые плафоны склонились над умывальниками, как пьяный старшеклассник над унитазом. Фара для вида потерла руку об руку, по инерции встряхнул и заметил ехидную рожу Бойца. Игорь не заметил, как с рук слетела легкая пыльца.

– Отвали со своими подколами, сам-то не знаешь, как эта хреновина включается, – буркнул Фара.

– Ну да, не знаю, – кивнул Боец, – но ты, на всякий случай, пока меня не касайся. Мало ли чего.

Игорь возмущенно фыркнул, но не стал развивать тему, а подошел к стене и аккуратно постучал в неё. Раздался тихий глухой звук, словно он ударил по спинке дивана. Панель двери тут же отъехала в сторону. Сиатра отклеилась от противоположной стены, и сочные губы расплылись в улыбке.

– Разобрались с комнатой для очищения? – в зеленых глазах скакали хитрые искорки.

– Да, только там какая-то баба напугала Игоряху, и душ у вас не работает, как и краны над умывальником, – отчитался Анатолий. – Стремные у вас сантехники.

– Не может быть, на табло горит, что неисправностей нет. Или вы не знаете про фотоионный душ и такие же плафоны для мытья рук?

– Чего мы не знаем? – настала пора Игорю задавать вопросы.

– Неужели вы не знаете, что нанолокализованные ионные пакеты созданы за счет пропускания сквозь кварцевый нанокапилляр фотоионов, образованных при облучении тугоплавкого металлического эмиттера фемтосекундным лазерным излучением с большой частотой повторения? – Сиатра саркастически поджала губки.

– А-а, ну да, ну да, эмиттера. Как же мы могли забыть? – хлопнул себя по лбу Анатолий и улыбнулся Сиатре. – Скажи, симпатюля, ты сейчас заклинание какое произнесла, или нас так витиевато на три буквы отправила? Обычным языком можешь объяснить?

Девушка перевела взгляд с него на Игоря, так же, как это недавно сделало женское лицо на поверхности зеркала. Она хмыкнула, поняв, что её слова не дошли до адресатов – у Игоря было такое же недоуменное выражение, как и у Анатолия. Проще было показать.

– Разуйся и попробуй что-нибудь вытряхнуть из обуви, – обратилась она к Бойцу, тот пожал плечами, но выполнил просьбу.

На ровный пол коридора посыпалось что-то, напоминающее детскую присыпку. Легкая пыль легла на идеально чистую поверхность. Боец повторил процедуру со второй туфлей. Ещё одна горка образовалась на полу. У основания стены открылся небольшой проем, не больше детского пенала, раздался звук всасывания, и пыль послушно втянулась в отверстие. Так опытный героинщик втягивает дорожку опиума купюрой, свернутой в трубочку. Анатолий почувствовал холодок на поверхности ступни, будто влез босиком на стол аэрохоккея.

Тело очищено – 2 грамма удалено

У него моргнула надпись перед глазами и тут же пропала. 2 грамма грязи? Когда же он успел так испачкаться?

– Ты был в кабине фотоионного душа. Так происходит экономия воды, и поры гораздо лучше очищаются. Не бойся, это не опасно, никакого облучения. Мы всегда заботимся о здоровье и охране окружающей среды, – немного пафосно произнесла Сиатра. – Женщина в туалете – это компьютеризированный помощник, он же уборщик, он же ремонтник. Её изображение можно сменить на мужчину, на кошку, собаку и ещё около сорока видов программ.

У ребят промелькнула перед глазами надпись:

Интеллект + 0,02 %

– Гадство, да что это за хрень перед глазами мелькает? – воскликнул Анатолий.

– И у меня тоже, – поддакнул Игорь.

– Это уведомление о вашем состоянии на данный момент. Если вы достигли чего-либо, то достижение выводится на сетчатку, чтобы вы были в курсе событий. Если скосите глаза вправо-вниз, то сможете вызвать панель со структурами. Там в процентном соотношении от превосходного записаны ваши данные. Но лучше разбираться будете потом, сейчас нам нужно

поторопиться. Хорошо, с комнатой очищения вы справились, остался суший пустяк – с помощью лифта спуститься вниз.

Сиатра прошла вперед, ребята двинулись следом. Анатолий подтолкнул локтем Игоря.

– Походу симпатюля за тобой подглядывала, – шепнул он тихо, чтобы не расслышала Сиатра.

– С чего ты взял? – так же тихо ответил Игорь.

– А с чего же ей называть тебя «ссушим пустяком»?

– Да пошел ты! – возмутился Фара.

Девушка оглянулась на них, вопросительно подняла бровь. Анатолий невольно залюбовался плавным изгибом, блестящими глазами, розовой кожей щек.

– Не обращай внимания, мы о своём, о женском, – он успокаивающе помахал рукой.

– О женском? – не поняла Сиатра. – А-а, это ваши идиомы из прошлого. Придется привыкать. Не обижайтесь, если буду переспрашивать.

– Слышь, ты недавно нормально базарила, что же сейчас случилось? Или тебя Дрианна укусила, и ты тоже стала занудой? – спросил Анатолий.

– Я уже и так заработала десять штрафных баллов за сленг, поэтому вынуждена общаться на гозорском языке без жаргона. Иначе меня не допустят до тестов, – ответила Сиатра.

– На каком языке, до каких тестов? – встрял Игорь.

– Всему своё время, – ответила Сиатра. – Вот мы и пришли.

Троица остановилась около стены. Панель отъехала в сторону, и открылся вид на полукруглый тамбур. Мягкое зеленое освещение выделяло нишу на фоне бежевых стен. «Джентльмены» пропустили даму вперед. Она опытнее, она знает, что делать. Вошли следом. Игорь невольно втянул голову в плечи, когда за его спиной закрылась панель стены. Тишина. Он вспомнил тот самый шлюз перехода, когда входили в здание «Проекта». Вот сейчас откроются отверстия в полу и потолке, ударит удушливый газ...

Анатолий стоял рядом с Сиатрой и вдыхал запах её волос. Она пахла чем-то тюльпаново-свежим. Зеленые глаза смотрели в ответ. Рука Бойца осторожно коснулась места, где ткань шаровар уплотнялась. Сиатра не отодвинулась. Почти незаметное движение каштановых волос предложило развить небольшой успех.

Неизвестно, куда бы дальше двинулась шаловливая рука Анатолия, если бы в этот момент не отъехала панель лифта.

– Экскурсия начинается, – проговорила Сиатра и выпорхнула наружу.

– Тоха, а когда она успела кнопки нажать, и это... где здесь кнопки? – спросил Игорь, оглядывая внутренности лифта.

– Это шайтан-машина, Игорюха. Не заморачивайся, пошли! Нам ещё разные фокусы покажут, так что не урони челюсть, – Анатолий беззаботно улыбнулся.

Из лифта они вышли в большой прохладный холл. Мрамор и сталь – вот два хозяина, которые властвовали здесь. Блестящий пол настолько идеально ровный, что положи на него шарик и он останется на месте, не качнется ни вправо, ни влево. По толстым колоннам зеленого мрамора скользили стальные змеи, причудливо изгибались и переходили одна в другую. С высокого потолка свисали затейливые полосы, они свивались в необычные люстры, будто из потолка выросли металлические деревья, а вместо яблок повисли светящиеся плоды. Окна заменяли полукруг стены, сквозь них падал солнечный свет и вычерчивал квадраты стальных переплетений.

Напротив ребят расположился участок живой природы. Там зеленели невысокие пальмы, алели большие соцветия на кустах гибискуса, мелкие птицы перелетали с ветки на ветку, даже журчал искусственный водопад. Трое взрослых мужчин тихо беседовали у этой оранжереи, перед ними парили тарелочки, на которых лежали коричневые хлебцы.

Анатолий смог закрыть рот и опустить взгляд на длинный полукруглый стол в центре холла. Тот напомнил стену снежной крепости, какую зимой лепят мальчишки для войны снежками, если бы не тяжелая стальная столешница. За столом возникло миловидное лицо черноволосой девушки, и Игорю почему-то вспомнилась актриса играющая Настеньку из фильмов Роу. Только платка на голову не хватало, да вместо сарафана халат. Сиатра беззвучно поплыла к «крепости».

Панель лифта закрылась, Игорь оглянулся и обомлел – стену за их спинами целиком украшала живопись, как в Сергиевой Лавре. На огромной картине сражались между собой люди со злыми уродливыми лицами. Оружие в руках разнообразное, от необычных пистолетов и фантастических винтовок до банальных дубин и ножей. И над всеми воинами зеленели полосы, как у Игоря с Анатолием. На воинов чуть выше взирали писанные красавцы и красавицы в белых одеждах, а почти под самым потолком, на всех смотрело большое лицо. Игорь присмотрелся внимательнее, определенно – где-то он видел этого мужика. Вот только вспомнить бы где...

– Слышь, эта ряха никого тебе не напоминает?

– Игорян, я видел столько людей, что мне каждый кажется знакомым. Вроде на депутата какого-то похож. Такие ряхи всегда стремятся не работать, а руководить. А чё?

– Да не, ни чё. Показалось, что где-то его видел. Опа, глянь, как вон тому перцу полбашки топором отхватили...

– Привет, Касина! Хорошего настроения и долгих лет жизни! Мы отправляемся на прогулку. Вернемся через пару часов. С Сиатрой согласовано, – отрапортовала Дрианна, встав у «снежной крепости»

– Первый выход? – прозвенел колокольчиком девичий голосок, и Игорь в очередной раз вспомнил сказки Роу. До чего же похожа...

– Да, будем в квадрате сто пятнадцать. Охрана не нужна, спасибо.

– Ух ты, тогда я понаблюдаю за вами. Всё равно в ближайшее время развлечений не предвидится, – застенчиво улыбнулась Касина.

– Хорошо, я подключаю твой канал... К Игорю. Вот, так, всё. До скорого свидания, – прощепетала Сиатра и помахала ребятам рукой. – Идем, не отставайте!

Молодые люди оторвались от созерцания сцен лишения жизни, пошли за девушкой. По пути Игорь не удержался и послал воздушный поцелуй Касине. Та непонимающе склонила голову на плечо, будто собака подняла одно ухо, когда смотрит на хозяина. Фара махнул рукой: «Такие вещи забыли, эх!»

Три человека у декоративного садика проводили взглядами идущих. Они неспешно отщипывали коричневые кусочки и отправляли их в рот.

– Кофе пьют? – толкнул Игорь Анатолия и кивнул на мужчин.

– Ага, офисный планктон проё... то есть на перерыве находится, – поправился Анатолий.

Сиатра не обернулась, но он готов был биться о заклад, что на её лице появилась милая улыбка. При подходе к стеклянным дверям раздалось небольшое шуршание – створки разъехались в стороны.

– Хм, прикольно, – констатировал Анатолий открывшуюся картину.

Они вышли на широкую площадку, и перед ними раскинулось огромное пшеничное поле. Ветер волнами ходил по золотистым верхушкам, пригибал и распрямлял стебли. Создавалось ощущение, что ещё чуть-чуть и из темной полоски леса на горизонте выплывет величественный корабль. Возможно и с алыми парусами.

Сиатра колдовала над своими «наручными часами», а ребята смотрели на бескрайнюю ширь и вдыхали полной грудью ароматы, которые приносил ветер. Пахло хлебом и карамелью, словно на срез свежего батона положили ириску «Кис-кис». Шелест и шорох колосьев завораживал. Игорь даже ощутил покалывание в кончиках пальцев. Странное спокойствие разлеглось

по груди, так бы стоял и смотрел на эту картину вечно. Разительная перемена для глаз после ужасов убийства на стене. И зачем они так украсили холл? Извращенцы.

Анатолий подошел к краю площадки. Справа и слева вверх уходили гладкие белые стены. Стены, окна, окна, стены. Он заглянул вниз. Ступени обрывались в десяти метрах от земли и под ними... ничего не было. То есть под здание уходило всё тоже пшеничное поле, а под ступенями чернела трехметровая полоса. Однако эта полоса не упиралась в землю, а висела над ней. «Может, дальше под полосой будет стена, а мы, типа, на балконе?» – сам себе задал вопрос Анатолий и успокоился от подобного объяснения. Почти всегда люди готовы оправдать то, что выходит за границы понимания обыденными вещами. Так проще. Так легче.

Сквозь стеклянную стену виднелись любопытные взгляды стоящих мужчин. К ним подошла Касина и присоединилась в обсуждении пришельцев из прошлого. Игорь почувствовал себя животным в зоопарке. Хотелось бы чувствовать себя тигром, но мысли почему-то сходились на макаке.

Из-за стены вынырнула ровная площадка, похожая на тонкую простыню. Эта пародия на ковер-самолет подплыла к ступеням.

– Прошу на борт, господа пираты! Мы отправляемся в увлекательное плавание! – Сиатра безбоязненно ступила на площадку, та даже не покачнулась.

Молодые люди опасливо шагнули на летающую платформу.

Немного истории.

Если кого-то называют «крысой», то подразумевают, что этот человек ворует у своих же друзей, либо сокамерников. А воруют ли крысы у своих же братьев? Или животные не знают, что это действие называется воровством и осуждается только у двуногих существ? У тех самых, кто называет себя «царями природы», а на самом деле являются всего лишь приبلудившимися паразитами.

Если посудить, то человек один из самых наименее приспособленных к природе существ: ногти мягкие; зубы плоские; шерсти мало. Такого бы в кунсткамеру, пусть звери ходят и потешаются над причудливым вывертом фауны.

Один из «царей природы» поставил эксперимент над истинными царями планеты Земля. Взял шесть особей крысиного мира, посадил их в клетку около бассейна. Провел пластиковую трубу, чтобы в ней можно было проплыть, а на конце трубы поставил ещё один резервуар, куда на ниточку вешал сухарики. Крысы должны подплыть, схватить сухарик и плыть обратно, чтобы его съесть.

Социальный волшебник! Вот его бы самого туда посадить вместе с остальными такими же умниками...

Сделал и сел записывать результаты эксперимента. Получилось у него такое: две здоровые крысы не хотели работать и отбирали еду у других крыс. Одна крыса возмутилась и дала отпор, её больше не трогали, и она сама по себе плавала, отхватывала долю, приплывала обратно и съедала её. Образовались два раба, у которых два сильных лентяя отбирали еду. «Рабы» терпеливо ждали, пока насытятся «господа» и потом приступали к пище. Последний, шестой участник эксперимента обрел самую низшую ступень, на нем срывали злость все, кому не лень. Он оказался «козлом отпущения» и ел те крохи, что оставались после обеда «господ и рабов», независимая крыса тоже не подпускала его к себе.

Дидье Дизор провел двадцать экспериментов с другими крысами! Двадцать, Карл! И везде одна и та же иерархия. Даже когда он взял «господ» и посадил их отдельно, то там получился тот же результат. Шесть «крыс-рабов» в одной клетке разделились точно также: два «господина», два «раба», один непокорный и один «козел отпущения». Все сословия делились именно так. Шесть «независимых» создали такую же иерархию.

Игорь знал об этом эксперименте, видел как-то по каналу о дикой природе. Он спокойно принял тот факт, что в шайке ему досталась роль «независимой крысы». Фара участвовал в жизни банды, но не давал себя построить. Анатолий же как-то сразу сравнялся по значимости с Жалом и только делал вид, что является его правой рукой, на самом же деле они правили вместе. Носорогу и Коту досталась роль «шестерок», а Змея шутливо не поддевала только штанга.

Не так всё явно, как у крыс, но иерархия чувствовалась, и сейчас в эту иерархию вполз небольшой нюанс – «шестерка» вкусила крови и почувствовала, что может стать «господином». Так казалось Игорю, когда он смотрел на Носорога. Может и ошибался, но Фару редко подводила интуиция.

Здоровяк сначала выглядел подавленным, но, спустя час и после нескольких стаканов водки, он почти пришел в норму. Правда, это был уже другой Носорог. Что-то изменилось в нем и это не последствия «смелой воды». Он смотрел по-другому, во взгляде появилась твердость. Боец с Жалом тоже ощутили эту перемену, но списали её на шок от убийства.

– Я же не спецом. Этот лох сам дернулся, а я лишь... – в сорок первый раз начал говорить Носорог.

Он уже всех достал своими оправданиями, но ребята понимали, что здоровяк пытается обелиться перед собой, а не перед ними. Молодые люди посочувствовали коллеге по преступному цеху и разошлись по углам. О случившемся как-то не хотелось говорить. Возможно завтра, но не сегодня.

Перед глазами висело тело... Кровь капала на кирпичную кладку, алые бомбочки разбивались крупными кляксами...

– Я же не спецом. Он же сам.

Игорь понимал Носорога. Понимал и то, что тому нужно пережечь в себе это чувство. Заново пережить дергание за ногу, хруст костей, стон человека на заборе.

Это на первый взгляд убить легко. Ведь и вы сами не раз это делали. Убивали... Мух, комаров, может мышей или крыс, а если вы охотник или рыбак, то и подавно. Но так уж повелось, что среди людей ввели правило, что убивать другого человека это самый тяжкий грех. Самый тяжкий, но его можно отложить в сторону, когда кто-то властный, кто-то из высших «крыс-господ» посылает на твою родину своих «рабов». Тогда убийство врага превращается во благо...

– Я же не спецом. Я лишь дернул, а он...

Новый стакан сорокоградусной жидкости опрокинулся в глотку. Не чокаясь...

Носорог не пьянел. Он всё также смотрел на стену, желваки буграми ходили под кожей. Крепкий бицепс грозил порвать рукав футболки. На груди, чуть выше соска, краснело засохшее пятнышко, кровь того самого неудачника...

Игорь молчал. Молчали остальные. Слова утешения сказаны. Осталось дожидаться полного осушения бутылки, тогда появится повод отправиться спать. Утро вечера мудренее...

Последние капли вытекли из горлышка. Они упали в наполовину заполненный стакан. Упали неторопливо, прозрачные как слезы, которые скатятся по родительским щекам, когда им расскажут, что произошло с сыном. Когда его снимут с забора грубые руки медработников. Когда циничные полицейские запишут показания и притворно пособолезнуют. Когда на землю лягут еловые лапы и черная ткань завесит зеркала.

– Я же не спецом...

Испытание боем

У Анатолия отпала челюсть, когда его предположение не подтвердилось. Под небоскребом ничего не было. То есть так же привольно гулял по пшенице ветер, но не было никаких опор и фундамента. Небоскреб висел в воздухе.

«Черная полоса!» – догадался Боец. Похожий материал поддерживал в воздухе поднос со «сбалансированной и витаминизированной» едой. Однако в комнате плавала легкая пластиковая площадка с тарелками, а тут громадина из стали и бетона. Крышей небоскреб чиркал по облакам, и у Анатолия затекла шея, когда он попытался сосчитать этажи.

Игорь тоже смотрел во все глаза на грандиозное строение. Он сначала чуть присел, когда летающая платформа плавно отделилась от ступеней и поплыла над желтым пшеничным полем. Анатолий не показал вида, что удивился, всего лишь цыкнул длинной струей и попал на один из желтых колосьев. Глядя на него, выпрямился и Игорь. Не удивляться! Ведь и они не пальцем сделаны! Всего лишь... а что это?

– Симпатюля, ты обещала рассказать про эту черную фиговину, которая подносы тащила. Чо это такое? – вкрадчиво спросил Анатолий.

Они обогнули небоскреб и очутились среди восьми таких же. Расстояние между одинаковыми домами составляло около ста метров. Серые, зеленые, красные – разноцветные платформы подлетали к ступеням балконов. Взрослые люди с серьезными лицами сходили с «ковров-самолетов». Одеты люди почти однотипно – белые халаты, черные брюки или строгие юбки. Лишь некоторые, как Сиатра, позволяли себе другую одежду.

Платформы уплывали налево и вставали на специально отведенную площадку. Зрелище стоящих друг на друге платформ напомнило Игорю стопки матрасов, виденных в мебельном магазине. Обходились без парковщиков – умные платформы сами знали, куда вставать. Даже если «матрас» выплывал из середины стопы, то те, что находились над ним, приподнимались, а после опускались на новое место. Беззвучно.

Ветер трепал волосы Сиатры, заставлял их плясать живым огнем. «Классно бы они смотрелись на подушке!» – мелькнула мысль у Анатолия.

– Это не фиговина, – ответила Сиатра, – а наноиды.

– Ага, вот теперь гораздо легче, – не дождавшись продолжения, сказал Анатолий. – А что это за зверюги такие и с чем их едят?

Сиатра усмехнулась. Как объяснить обыденные вещи дикарям из прошлого? Наверное, так же Анатолий попытался бы растолковать неандертальцу назначение двенадцатого айфона. Она набрала в грудь воздуха и пробежала пальцами по хроносалютему. Платформа поплыла мимо стоящих правильным кругом небоскребов. Игорю пришло на ум сравнение со Стоунхенджем, только не хватало лежащих на крышах огромных каменных глыб.

– Наноиды – это микроскопические роботы, которые созданы для помощи людям. Они могут соединяться между собой ради какой-либо работы. Вы уже видели их под днищем подноса, такие же поддерживают здания лабораторий, чтобы они не касались земли и не нарушали природной гармонии, – тоном учительницы сказала Сиатра. – В наноиды вживлены антигравитационные элементы и при достаточно большом скоплении они могут поднимать любой вес.

Интеллект + 0,2%

Такая надпись возникла перед глазами Игоря. Он стал умнее? Оттого, что узнал предназначение наноидов?

– Симпатюля, слышь, а мне показалось, или вон тот дом сдвинулся со своего места?

– Нет, не показалось, здания циркулируют по кругу. Таким образом, солнечные лучи попадают на каждый участок поля и ни один колос не остается без дозы облучения.

– Это чё? Типа карусели такой? – встрял Игорь.

– Можно и так сказать. В этих зданиях живут и работают умстеры.

– А кто это, умстеры?

– «Умстеры» – это название людей, которые перешли определенную грань человеческих способностей, – разъясняла Сиатра, пока платформа делала круг у парящих небоскребов.

Другие платформы следовали своим курсом, они не пересекались. Люди на платформах кидали взгляды на озирающихся ребят, поднимали глаза на зеленые индикаторы и их глаза радостно загорались. Лица над белыми халатами сосредоточенные, умные. Они напомнили Игорю морду кота Васьки, когда тот залезал в свой лоток и собирался сделать кучу. За одно то выражение Ваське можно было дать степень доктора наук.

Однако попадались и другие люди. Они не носили халатов, и одежда их отличалась вольным разнообразием вкусов. Джинсы, гавайки, шорты, юбки как пояски – люди не стеснялись показывать своих тел. Как раз эти люди киванием здоровались с Сиатрой и с интересом разглядывали мускулистых ребят. Девушка отвечала кивком, и Игорь мог поставить половину жизни против щелбана, что её просто распирает от гордости. Она вывела на прогулку динозавров! Вновь вернулось ощущение, что ребята для людей из будущего лишь животные из зоопарка... Чтобы прогнать это ощущение, он задал вопрос:

– На делении на умстеров и гозоров построено наше общество, – добавил Сиатра, когда молчание затянулось.

Анатолий почесал макушку, посмотрел на черные подушки под небоскребами. Как-то не сочетались два значения – наномикроб и огромные горы небоскребов. Ладно, по ходу действия можно будет разобраться. Пока же их платформа вылетела за пределы внутреннего круга и пошла в обход домов по внешнему.

– Давай, трюнди о том, как космические корабли бороздят просторы Большого театра, – наткнувшись на непонимающий взгляд, Анатолий пояснил. – Расскажи, кто такие умстеры и гозоры?

– Наше общество изначально равно. То есть человек приходит в этот мир как полноправный гражданин. По прошествии трех лет адаптации он сам для себя выбирает, в какой слой общества ему отправиться. Умстеры – это ученые, их существование посвящено науке и улучшению качества жизни. А гозоры... Я сама из гозоров и мы можем отправиться на то место, где я родилась, чтобы вы сами всё увидели.

– А чё мы должны увидеть? Ты вроде ничем не отличаешься от этих, белохалатных. Даже получше выглядишь, а они как воблы сушеные. Так в чем же разница? – спросил Анатолий.

– Гозоры не хотят быть учеными, их устраивает жизнь без цели, – понурилась Сиатра. – Но я не хочу бесцельно проводить своё время. Если я смогу пройти тесты, то тоже перейду в умстеры, а это моя давняя мечта. Я не хочу быть... Впрочем, летим и вы увидите гозорское поселение сами. В лаборатории нас всё равно не пустят, так что познакомитесь с тем, что есть.

Платформа отделилась от высоких столбов-небоскребов. Она проплывала над желтыми волнами, едва не задевала острые колоски. Игорь наклонился и сорвал один. Очистил от длинных усиков, растер на ладони и вдохнул пряный запах. Есть что-то такое в запахе пшеницы, что-то волнующее русскую душу, будоражащее кровь. Может, это впиталось от предков, с тех пор, как начали возделывать поля и сеять пшеницу. Анатолий тоже склонился над ладонью Игоря, вдохнул и зачихал. Сиатра недоуменно смотрела на них.

– Это какой-то ритуал?

– Нет, не ритуал. Пшеница у вас также пахнет, как и у нас, – ответил Игорь.

– А ты где успел пшеницу-то у нас занюхать? – легонько толкнул его Анатолий. – Ты же из города не вылезал.

– Не важно, – смутился Игорь, – успел и всё тут.

Анатолий посмотрел на друга, но уличать во лжи не стал. Сбрехнул, с кем не бывает, к тому же никому от этого маленького вранья хуже не стало. Боец подошел к Сиатре и приобнял девушку за талию. Та не отстранилась. Даже наоборот, прижалась горячим бедром и уперлась

в мускулистую грудь упругим плечиком. Анатолий почувствовал, как в жилах заиграла кровь, а взгляд уперся в выемку топики. Нужно было отвлечься.

– А как ты управляешь наноидами? С помощью часиков?

– Это не «часики», а хроносалютем. Как бы вам понятнее объяснить? Хм... в общем да, управляю именно им. Этот прибор не только для управления, а также это охранник и блюститель чистоты помыслов.

– Чё-чё-чё? Это как? Он ещё и мысли читает? – Анатолий на всякий случай отодвинулся от девушки. Хотя и так понятно – о чем он думает в эту секунду.

– Ну, ты чего? Нет, конечно же. Но он считывает определенные импульсы и передает их в общий накопитель, а человеку выдает небольшой укол электричества, если тот думает или поступает плохо. Чтобы не забывался, а информация об этом фиксируется и начисляется балл ошибки. Чем больше баллов, тем меньше шансов попасть в высшие слои.

– Круто! Значит, надумаю я чего-нибудь слямзить, а меня током шибанет? Блин, так этот сруно... храмо... в общем эта хреновина будет меня постоянно током бить. А как она защищает?

Игорь подобрался поближе. Он сначала думал, что платформа перевернется, так как они втроем скопились на одном боку, но та даже не думала покачнуться. Всё также плыла над желтым морем. Фара заинтересованно посмотрел на крупный браслет, который плотно облегал девичье запястье. Похожие часы с маркой «Diesel» он видел на обороте глянцевого журнала, они красиво смотрелись на руке у какого-то небритого актера, очередного успешного богача, на которого нужно быть похожим. По крайней мере, так упорно утверждала реклама прошлого.

Сиатра пробежала пальчиками по экрану хроносалютема. Анатолий успел заметить, что экран «часов» на жидких кристаллах, вроде как на сотовых телефонах его времени, но в то же время покрыт маленькими бугорками. Сиатра подняла руку над головой, из хроносалютема вырвался яркий алый луч. Он вознесся так высоко в небо, что проткнул облако. Игорь удивился, когда из разорванной ватной оболочки не хлынул дождь. После короткой демонстрации луч исчез.

– Круто! – восхитился Анатолий. – А нам такие хрено... часики дадут?

– Не исключено, если кто-то из вас переживет Игры Огня, то сможете присоединиться...

– Сиатра не успела договорить.

В сказке о девочке в Стране Чудес, перед Алисой возникала улыбка Чеширского кота, а после и сам вечно позитивно настроенный владелец. Перед троицей на платформе из воздуха проявились сначала карие глаза, а после голова Дрианны. Игорь остановил руку, которой собрался перекреститься. Будущее, блин. Тут много чего удивительного, хотя головы без тел в фантастических фильмах уже показывали. Их, кажется, называли голограммами. Вряд ли это настоящая голова парит перед ними, а безголовое тело терпеливо сидит за несколько километров на диване и решает кроссворд.

– Доброго здоровья и долгих лет жизни! – произнесла парящая голова.

– И тебе привет, Колобок с ушами! – хохотнул Анатолий. Он тоже слегка опешил при появлении голограммы, но быстро справился с собой.

– Здравсте, – буркнул Игорь.

– Доброго здоровья и долгих лет жизни, Дрианна, – ответила Сиатра. – Зачем вторгаться в нашу экскурсию?

– Вы летите в гозорское поселение? – после утвердительного ответа Дрианна продолжила. – Вам нужно по пути залететь на поляну в лесу, координаты я переслала на хроносалютем. Там, после устранения постройки прошлого, остались две стальных балки. Новички поработали некачественно, так что вам нужно устранить помеху. Приятного путешествия.

Не дожидаясь слов прощания, белокурая голова растворилась в воздухе. Последними исчезли карие глаза, но Анатолий успел протянуть руку. Палец прошел сквозь радужную обо-

лочку и завис в воздухе. Никаких ощущений. Кроме того, что он увидел, как палец проткнул чужой огромный глаз. Через секунду от головы Дрианна не осталось и следа.

– Вот если бы я так мог делать раньше... – мечтательно вымолвил Анатолий. – Появился бы у кровати начальника полиции и спел ему «Мурку». С душой бы спел... Да что там спел – проорал бы так, что этот лысый черт обделался бы по уши!

– У нас такие случаи тоже раньше были. Однако у шутников быстро отбили охоту так забавляться, – хмыкнула Сиатра. Её зеленые глаза смотрели на хроносалютом, по экрану которого бежали зеленые цифры. – Оказывается, нам по пути. Скоро будем на месте.

Платформа успела приблизиться к лесной гряде, желтая пшеница сменилась невысокими березками и низенькими елочками. Похоже, что эти деревья росли тут недавно, они стояли ровными рядами, будто посаженные заботливыми егерями. А через двести метров поднимались стволы вековых сосен, между ними раскинули мохнатые ветви угрюмые ели.

Платформа послушно поднялась выше крон и теперь под ребятами вместо желтого моря шумело зеленое. Оно пахло живицей и кислинкой еловых иголок. Птицы провожали настороженными взглядами прямоугольник на небе и принимались снова распевать извечные песни, когда люди скрывались из вида.

Игорю надоело стоять, и он присел на платформе, по-турецки скрестив ноги. Подставил лицо солнышку и блаженно зажмурился. Анатолий опустил рядом на корточки, попытался безуспешно поймать индикатор здоровья над головой Игоря, а потом дотронулся до плеча друга:

– Оттопыриваешься? Ну чё, как тебе будущее? Такое ожидал увидеть или другое?

– Да как сказать... Я вообще не думал, что выберусь из холодильника. Пока всё в шоколаде, ещё бы с едой не было напряженки, то вообще лафа была. Жить можно. Кстати, за жизнь... Сиатра, что ты говорила про какие-то огненные игры? Дрианна тебя перебила.

Девушка обернулась на зов, стрельнула взглядом в Анатолия. Тот тоже вопросительно смотрел на неё.

– Не огненные игры, а Игры Огня. Это самое лучшее время! У гозоров появляется шанс перейти в умстеры, миновав тесты и самоограничения. О-о-о, Игры Огня, это нечто, – Сиатра мечтательно закатила глаза. – Мы все ждем его с нетерпением.

– Ты долго сопли жевать будешь, симпатюля? Ближе к телу давай, – сказал Анатолий.

– Опять идиомы, а я-то уже подумала, – после секундного замешательства рассмеялась Сиатра. – Ближе? Ой, а мы почти прилетели. Давайте две балки уберем и расскажу. Сейчас же нужно быть особенно внимательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.